

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГРЯиПЛ
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ
НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ**

Руководитель	_____	д-р филол. наук, зав. кафедрой ТГРЯиПЛ О.В. Магировская
Выпускник	_____	А.Р. Фаттахова
Нормоконтролер	_____	А.С. Сибирская

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА И КОНЦЕПТА.....	7
1.1. Дискурс как научное понятие.....	7
1.2. Типология дискурса.....	12
1.3. Новостной дискурс как особый тип дискурса.....	16
1.4. Понятие концепта.....	21
1.5. Концепт: его признаки и типы.....	25
1.6. Структура концепта.....	28
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	33
ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР» В СОВРЕМЕННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ США.....	36
2.1. Зарубежные исследования репрезентации мусульманского мира в американском новостном дискурсе.....	36
2.2. Основные концептуальные характеристики концепта «мусульманский мир».....	44
2.2.1. Мусульманский мир как мир войны и терроризма.....	44
2.2.1.1. Мусульманский мир как разобшенная геополитическая система.....	45
2.2.1.2. Мусульманский мир как мир терроризма и вооруженных конфликтов.....	50
2.2.1.2.1. Мусульманский мир – мир террористических организаций.....	50
2.2.1.2.2. Мусульманский мир как мир войны, насилия, терроризма.....	52
2.2.1.2.3. Мусульманский мир как мир злости, жестокости и смертельной опасности.....	56
2.2.1.2.4. Мусульманский мир как мир взрыва и нападения.....	59
2.2.1.2.5. Мусульманский мир как мир насилия и убийства.....	62
2.2.2. Мусульманский мир в мире спорта.....	65
2.2.2.1. Мусульманский мир как активно развивающийся мир	

высоких достижений в спорте.....	66
2.2.2.2. Мусульманский мир как мир, активно инвестирующий в развитие спорта.....	71
2.2.2.3. Мусульманский мир как мир развивающегося женского спорта.....	74
2.2.3. Мусульманский мир как мир для туризма.....	77
2.2.3.1. Мусульманский мир как мир природной красоты, исторического и культурного наследия.....	77
2.2.3.2. Мусульманский мир как мир комфорта и гостеприимства... 81	
2.2.3.3. Мусульманский мир как мир, активно развивающий туризм.....	84
2.2.3.4. Мусульманский мир как мир палящего солнца.....	89
2.2.4. Мусульманский мир как мир традиционного уклада.....	91
2.2.4.1. Мусульманский мир как мир приверженности традициям в выборе одежды.....	91
2.2.4.2. Мусульманский мир как мир пряностей.....	94
2.2.5. Мусульманский мир в мире религии.....	98
2.2.5.1. Мусульманский мир как мир священных текстов и мест.....	98
2.2.5.2. Мусульманский мир как мир следования религиозным предписаниям.....	101
2.2.5.3. Мусульманский мир как мир религиозной деятельности... 104	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	113
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Современное информационное сообщество все более зависит от новостных медиа в качестве источника информации о мировых событиях. Образ ислама и мусульман в американском обществе во многом формируется под влиянием новостных сюжетов, что делает изучение дискурса качественной прессы особенно важным. Репрезентация мусульманского мира в современных американских новостных источниках является активно освещаемой темой и потому вызывает интерес среди исследователей, политологов, социологов и журналистов.

Мусульманский мир получает регулярное освещение в статьях американских новостных изданий, чаще репрезентируясь в аспекте терроризма, политических конфликтов и переплетения культурных и религиозных различий, а также достижений в сферах спорта и туризма.

Объектом исследования являются основные концептуальные характеристика концепта «мусульманский мир», получающие системную репрезентацию в современном американском новостном дискурсе.

Предмет исследования – языковые единицы, вербализирующие основные концептуальные характеристики концепта «мусульманский мир» в современном американском новостном дискурсе.

Актуальность данной работы обусловлена потребностью лингвистики в углубленном изучении механизмов объективации актуальных концептов и формирования их лексической наполняемости, что позволит лучше понять концептуальное восприятие действительности.

Цель данной работы заключается в выявлении, систематизации и анализе основных концептуальных характеристик концепта «мусульманский мир», получающих языковую репрезентацию в современном американском новостном дискурсе.

Данная цель реализуется в решении следующих **задач**:

- 1) описать дискурс как научное понятие;
- 2) изучить основные характеристика новостного дискурса;
- 3) изучить зарубежные исследования на тему репрезентации мусульманского мира в новостном дискурсе США;
- 4) произвести отбор американских новостных текстов, освещающих концепт мусульманского мира;
- 5) проанализировать лексические средства, актуализирующие концепт «мусульманский мир» в современном новостном американском дискурсе;
- 6) систематизировать основные концептуальные характеристики концепта «мусульманский мир».

Материалом исследования являются новостные сообщения авторитетных американских новостных изданий *The New York Times* и *CNN* за 2021-2024 гг.

Основные методы, использованные в исследовательской работе: метод сплошной выборки, метод концептуального анализа и анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа.

Практическая значимость данной работы состоит в возможности применения материалов исследования в рамках дисциплин по теории и практике межкультурной коммуникации, политической лингвистике, социолингвистике и журналистике. Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по освещению событий в мусульманском мире в американской прессе, а также для повышения осведомленности о дискурсивных практиках, которые могут влиять на восприятие мусульманского мира в американском обществе.

Структура работы. Бакалаврская работа объемом 125 страницы состоит из введения, двух глав, каждая из которых завершается выводами, заключения и списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность, состояние изученности вопроса, указываются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, описываются методы и практическая значимость, определяются источники теоретической и методологической базы, приводятся данные о структуре работы.

В **Главе I** «Современные лингвистические исследования новостного дискурса и концепта» рассматриваются различные подходы к определению понятия «новостной дискурс», систематизируются основные подходы к изучению новостного дискурса, а также изучение понятия концепта, систематизация типов и признаков концепта.

В **Главе II** «Репрезентация концепта «мусульманский мир» в современном новостном дискурсе США» описывается специфика репрезентации основных концептуальных характеристик концепта «мусульманский мир», получающих освещение в современном американском новостном дискурсе.

В **Заключении** формулируются основные выводы работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы состоит из 94 источников, из них 28 на английском языке.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА И КОНЦЕПТА

1.1. Дискурс как научное понятие

Исследования в области дискурса ведутся на протяжении долгих лет. Актуальность этой темы сохраняется до сих пор, а интерес ученых и исследователей не иссякает. На сегодняшний момент дискурс является неотъемлемой частью жизни человека и определяется как сложное коммуникативное явление, которое, кроме текста, соединяет в себе и другие факторы, необходимые для понимания текста. Он включает в себя как устный, так и письменный способы, хотя иногда он ограничивается речью, обозначаемой как серьезный разговор между людьми.

По причине востребованности во многих научных дисциплинах (литературоведение, антропология, социология, социолингвистика, философия, этнография, психолингвистика, когнитивная психология, а также лингвистика) не существует определенного понятия «дискурс», которое бы соответствовало всем критериям дисциплин.

Этимологически слово «дискурс» восходит к 14 веку. Оно происходит от латинского слова *discursus*, которое значит «обсуждение» [McArthur, 1996]. В его современном употреблении этот термин передает ряд значений для различных целей, но во всех случаях он относится к языку и определенным образом описывает его.

По мнению А.А. Кибрика термин «дискурс» в его актуальном значении близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический

объект, результат языковой деятельности» [Кибрик, Паршин, URL:].

Соответственно дискурс включает в себя два основных компонента:

- 1) динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст;
- 2) результат данной деятельности [Там же].

На современном этапе понимания дискурс очень часто определяется словосочетанием «связный текст». Данные попытки, тем не менее, представляется возможным охарактеризовать как обоснованные, поскольку сам по себе текст по своей сути является связным.

Дискурс также сопоставляется с диалогом, который является формой дискурса. Разница между данными феноменами заключается в том, что в отличие от диалога, в котором роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами, дискурс предполагает наличие этих двух ролей. Монолог – ещё одна форма дискурса. В данной связи представляется необходимым отметить, что монолог является противопоставлением диалогу. Он представляет собой дискурс с единственным участником. В сущности, монолог – это просто частный случай диалога, в котором также необходимы адресат и получатель [Кибрик, 2003].

Термины «текст» и «диалог» как более традиционные имеют большое количество коннотаций, по причине которых возникают трудности при их употреблении. На современном этапе развития лингвистической мысли термин «дискурс» рассматривается как родовой термин, объединяющий все виды использования языка [Там же].

Структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не

то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса [Там же].

В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ: те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста) [Кибрик, 2002].

Согласно самому распространенному определению, представленному Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», понятие «дискурс» сводится к трем основным трактовкам, в которых дискурс понимается как:

- 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими –прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами;
- 2) текст, взятый в событийном аспекте;
- 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136–137].

Из вышесказанного следует вывод, что при любом подходе изучения понятия «дискурс» неотъемлемым являются его взаимоотношения с устоявшимся лингвистическим понятием «текст».

По мнению В.А. Звегинцева, дискурс – языковая единица, находящаяся выше уровня предложения, совокупность двух и более предложений, состоящих в общей смысловой связи [Звегинцев, 2001].

И.Б. Руберт выделяет в дискурсе как в когнитивном процессе три основных компонента: генерализованную модель какой-либо ситуации, знания говорящего о социальном контексте, а также знания лингвистического характера (схемы составления текста, семантико-синтаксические структуры) [Руберт, 2001].

По мнению зарубежных ученых, определение дискурса тесно связано с процессом социального взаимодействия и фактором социального контекста. Так, З. Харрис полагает, что дискурс – устные или письменные предложения, которые следуют друг за другом в отдельной ситуации и используются одним или несколькими лицами (ср. *“the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation”* [Harris, 1952: 3]). Ученый также указывает на важность коммуникации и взаимодействия людей в создании единого связного текста и организации его элементов. По мнению З. Харриса, контекст дискурса является важным его элементом и определяет цель конструируемых текстов между говорящими [Там же].

В 1981 году Ю. Хабермас использует в своей работе термин «дискурс» и толкует его как форму коммуникации, в которой немаловажным фактором является нормированность употребления речи [Habermas, 1984]. Нормированность формируется из установленных правил коммуникации в определенных условиях и языковых ресурсов собеседников. Исследователь утверждает, что основной целью дискурса является взаимное понимание коммуникантами ситуации и высказываний. По мнению ученого, дискурс –

универсальное средство успешной общественной коммуникации, которая основана на общих для данной социальной сферы экстралингвистических факторах (ценностях, нормах и правилах общества) [Там же].

А.А. Кибрик дает определение дискурса, в котором отражается многообразие признаков данного феномена, и отмечает, что дискурс следует рассматривать как взаимодействие и пересечение четырех структур:

- 1) структуры идей, выражаемых в тексте;
- 2) структуры мыслительных процессов говорящего;
- 3) языковых структур, используемых говорящим;
- 4) структуры речевой ситуации (отношение между говорящим и слушающим) [Кибрик, 2003].

Современные когнитивно-дискурсивные исследования основаны на установлении связи языкового явления с внутренней ментальной деятельностью человеческого сознания, а также выявления способов его проявления в процессе коммуникации. Как отмечает Е.С. Кубрякова, в каждом акте речи современные когнитологи усматривают некое «конструирование мира», которое выражается и в процессе категоризации объекта, и в выборе того направления, по отношению к которому характеризуется данный объект или ситуация [Кубрякова, 2004]. В таком случае дискурс и текст рассматриваются как творящие новые «возможные миры» [Там же].

В широком смысле дискурс рассматривается как форма использования языка в реальном времени, которая отражает определенный тип активности человека и создается с целью конструирования особого мира (или его образа) с помощью детального языкового описания, а также является частью процесса коммуникации, характеризуемого участниками, условиями ее осуществления и целями [Там же].

В.З. Демьянков указывает на то, что дискурс выстраивает особый мир и создает общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., который определяется не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который строится по ходу развертывания дискурса [Демьянков, 1982].

Ю.С. Степанов рассматривает дискурс как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности [Степанов, 1995:38]. Обосновывая свою точку зрения, ученый отмечает: «Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет» [Там же: 44–45].

Таким образом, в основе дискурса лежат когнитивные процессы писателя или говорящего, а именно процессы понимания, интерпретации и генерации дискурса. Дискурс неотделим от понятия «связный текст» и вместе с тем образует «особый мир».

1.2. Типология дискурса

В настоящее время в лингвистике существует большое количество типологий дискурса, в основе которых лежат конкретные аспекты. Это явление обуславливается востребованностью дискурса в различных научных дисциплинах.

Один из основных критериев, по которому разграничиваются типы дискурса, – модус, т.е. канал передачи информации. А.А. Кибрик отмечает, что соотношение между устным и письменным дискурсом является

известным и распространенным в лингвистике [Кибрик, 2009]. По своей сути устный тип дискурса основан на вербальном взаимодействии коммуникантов. Используя свой артикуляционный аппарат, адресант создает звуковой сигнал, который впоследствии воспринимает адресат своими органами слуха. Письменный тип дискурса основан на передаче текста посредством физического носителя, например, бумаге, поэтому этот тип является производным, вторичным модусом. А.А. Кибрик также обращает свое внимание на то, что письменный дискурс не равносителен самому языку и не является его обязательной составляющей [Там же].

Имеется мнение других ученых о существовании третьего канала информации. Так, например, Л.С. Выготский выделяет мысленный канал, являющийся базовым, как и устный модус, и, по мнению ученого, существует с момента появления языка [Выготский, 1999]. Данный факт позволяет исследователю заключить, что существует внутренний дискурс. Этот тип дискурса осуществляется исключительно в когнитивной системе отдельного индивида, выступающего одновременно в роли адресанта и адресата. Однако мысленный модус недостаточно изучен по той лишь причине, что нет возможности зафиксировать поток человеческих мыслей письменно или акустически. Поэтому этот тип дискурса чаще всего включают в устный тип как его неотъемлемую часть.

А.А. Кибрик также фокусируется на важном значении субмодусов, которые являются разновидностью дискурса, а их сущность основана на разнообразных приспособлениях для осуществления общения (например, радио, телефон и компьютер). В настоящий момент большую популярность имеет электронный модус, который в современной лингвистике определяет электронный тип дискурса и действует наряду с письменным и устным типами [Кибрик, 2009]. Электронный дискурс является целостным пространством, которое в одно время включает в себя как письменный, так и

устный дискурс. Т.С. Юсупова утверждает, что подобно устной речи электронный дискурс динамичен и подвержен вовлеченности собеседников и фиксируется графически, как это свойственно письменному тексту [Юсупова, 2010].

Участники общения – неразрывная составляющая любого дискурса и коммуникации. Дискурс включает в себя адресность и интенциональность. Этот аспект направлен на выполнение определенного коммуникативного намерения со стороны адресанта сообщения и обработку, интерпретацию коммуникативного намерения адресатом. А.А. Загнитко выделяет адресатный и безадресатный типы дискурса [Загнитко, 2008]. Адресатный дискурс нацелен непосредственно на получателя сообщения, в то время как безадресатный – на абстрактного получателя сообщения (например, на целевую аудиторию). Исходя из классификации ученого, второй тип дискурса включает в себя художественный, научный, публицистический и другие виды дискурса [Там же].

Т.И. Попова приводит жанровый критерий, используемый для построения типологии дискурса и позволяющий разграничить его в качестве модусного и диктумного типов. К полю диктумного типа относятся:

- 1) дискурс профессиональной коммуникации;
- 2) научный дискурс;
- 3) дискурс запроса и получения информации в контексте бытовой коммуникации [Попова, 2001].

Модусные типы дискурса включают:

- 1) художественный дискурс;
- 2) аксиологический дискурс (политический дискурс, правовой дискурс, религиозный дискурс, дискурс нравственных и экзистенциальных ценностей);

3) дискурс повседневного межличностного общения (дружеский дискурс, семейный дискурс и т.д.) [Там же].

Беря за основу связи функциональных стилей с разнообразными сферами жизни человека, Г.Я. Солганик выдвигает свою классификацию дискурса, частично связанную с типологией Т.И. Поповой:

- 1) бытовой;
- 2) научный;
- 3) официальный;
- 4) публицистический;
- 5) художественный [Солганик, 2003].

Приведенная выше классификация включает в себя прототипы дискурса, которые могут подразделяться на прототипы, изначально не включенные в список самостоятельных. Можно отметить, что функциональные стили имеют расплывчатые границы, более типичные для жанров, и могут смешиваться между собой [Там же].

Акцентируя внимание на изучении дискурса с точки зрения прагматингвистического подхода, В.И. Карасик отмечает, что дискурс может быть разграничен на базе множества бинарных параметров. Такие параметры включают в себя взаимопересекающиеся тональности дискурса или параметры общения [Карасик, 2009]. Так, в данную классификацию входят следующие противопоставляемые пары типов дискурса:

- 1) одномерный / многомерный дискурс (на основании одноплавности или многоплавности смыслов);
- 2) сценарный / несценарный дискурс (на основании заданности или произвольности реакции адресата);
- 3) серьезный / юмористический дискурс (на основании серьезности или несерьезности коммуникации);

4) этикетный / агональный дискурс (на основании кооперативности или конфликтности общения);

5) информативный / фасцинативный дискурс (на основании фокуса на содержании или форме общения);

6) перформативный / аргументативный дискурс (на основании фокуса на содержании или форме общения) [Там же: 320-321].

Таким образом, новостной дискурс, представляющий интерес в данной работе, является частью массмедийного подтипа дискурса. Данный вид дискурса обладает определенным набором характеристик, которые выделяют его на фоне других.

1.3. Новостной дискурс как особый тип дискурса

С течением времени и изменением образа жизни людей разных народов некоторые обстоятельства оставались неизменными – распространение новостей и их обсуждение. Раньше это переходило из уст в уста, с появлением письменности – через бумагу. В этот процесс было вовлечено большое количество людей, и требовалось немалое количество времени. Поэтому в конечном итоге новость часто теряла свою оригинальность по причине изменения некоторых деталей и внесения собственного оценочного мнения каждого из передатчиков.

Современный темп жизни предъявляет к человеку огромные требования, относящиеся к разным сферам его деятельности. Одним из неотъемлемых условий успешной социальной интеракции всегда была и остается достаточная степень информированности/осведомленности коммуникантов в том или ином вопросе.

В современном мире основная часть информации о локальных и глобальных событиях распространяется через СМИ. Новостной дискурс является подтипом массмедийного дискурса (или медиадискурса), который,

имея весьма широкое понятие, охватывает различные сферы массовой коммуникации. Одним из важных условий изучения медиадискурса является определение его места в общей системе дискурсивных практик. Поскольку понятие медиадискурса многогранно и довольно широко, оно основано на общем понимании дискурса и имеет те же принципы. Так, центральным компонентом теории дискурса является комплексный подход к анализу речевой деятельности, понимание дискурса как сложного коммуникативного феномена, который включает в себя весь набор экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации, включая отправителя сообщения, получателя, различные типы контекста, в частности, производство, распространение и восприятие информации, культурный и идеологический фон и т.д. Соответственно, массмедийный дискурс является опосредованным, то есть между адресатом и адресантом существует как временная, так и пространственная дистанция, а текст передается не напрямую, он производится путем различных средств массовой информации [Команова, Богачев, 2017].

Термин «дискурс СМИ (новостей)» закрепился после публикации работ Т.Г. Добросклонской, которая считала, что он является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [Добросклонская, 2006: 22].

Этот дискурс обуславливает процесс массовой коммуникации и реализует свой мировоззренческий ресурс, направленный на «когнитивную обработку социума и индивида с целью формирования особой точки зрения» [Проективная деятельность в структуре журналистского творчества, 2006].

Новостной дискурс – это продукт коллективной деятельности конкретных социальных общностей людей, которые занимаются сбором, обработкой и периодическими распространениями актуальной,

востребованной, новой информации через СМИ через создание, трансляций и интерпретаций новостных текстов [Кротова, 2012: 9].

В настоящее время информационные ресурсы выступают особым социальным институтом, который влияет на отдельного адресата, целевую аудиторию и различные сферы всего социума. В соответствии с классификацией Е.П. Прохорова новостной дискурс выполняет следующие основные функции:

1) коммуникативную (установление контакта с читательской аудиторией, проецирование заданной редакционной политики в новостных текстах);

2) непосредственно-организаторскую (воздействие на социальные институты посредством комментариев и оценок);

3) идеологическую (воздействие на читательскую аудиторию посредством манипуляции информативностью, которая является неотъемлемой частью интерпретации текста [Руднев, 1996]);

4) культууроформирующую (ознакомление аудитории с этикетом, культурными нормами);

5) рекламно-справочную (выполнение запросов на утилитарную информацию, обеспечение аудитории информацией об увлечениях);

6) рекреативную (провокация эмоциональной реакции читателей, развлечение) [Прохоров, 2006].

Аналогично другим подтипам дискурса массмедийный дискурс так же обладает перечнем специфических признаков. Классификация Е.В. Сычевой включает в себя следующие признаки:

1) однородность мировоззрений и нравственных ценностей у социальной группы, в которую входит адресант;

2) общественная направленность и осознание, что предоставляемая информация будет в открытом доступе для массовой аудитории;

3) намеренно сконструированное несовпадение взглядов, противоречие, вызывающее реакцию и побуждающее к дискуссии [Сычева, 2011].

Новостной дискурс, являющийся типом массмедийного дискурса, включает в себя те же характеристики:

1) совпадение мнений у членов социальной группы, к которой принадлежит адресант новостных материалов (аналогично единой редакционной политике того или иного новостного ресурса);

2) направленность всего новостного текстового массива на абстрактного, среднестатистического адресата;

3) обязательное наличие в новостном тексте того или иного противоречия, которое провоцирует эмоциональную реакцию читательской аудитории;

4) отсутствие прямого межличностного общения между участниками дискурса, использование технического канала связи для передачи информации [Там же].

Опираясь на диапазон характеристик представленной классификации, можно выделить такие признаки новостного дискурса, как психологическая и пространственная близость к адресату информации, а также присутствие особой структуры новостного текста. Данные признаки, предположительно, могут быть ключевыми для характеристики новостного дискурса как особого вида. Это объясняется тем, что ориентированность на определенную аудиторию не обязательно включается в различные публикации (в том числе аналитические). Кроме того, она не во всех случаях обладает универсальными принципами композиции текстов (в отличие от новостных материалов).

Т.А. ван Дейк использует структурную композицию как типологический критерий и вычленяет ряд информативных блоков новостных текстов, представленных в новостном дискурсе:

1) краткое содержание (заголовок, являющийся емким и максимально кратко описывающим события, а также вводка текста, представляющая собой краткий анонс перед переходом непосредственно к новостному тексту);

2) главное событие (основной текст, раскрывающий суть события и являющийся главной составляющей новости);

3) фон (описание контекста, которое предоставляет читателю дополнительную информацию об освещаемом событии);

4) комментарий (выводы, прогнозы и комментарии, которые приводит автор) [ван Дейк, 2000].

В.И. Карасик выделяет четыре формы, которые может принимать новостной дискурс:

1) печатный дискурс;

2) радиодискурс;

3) телевизионный дискурс;

4) интернет-дискурс [Карасик, 1998].

Печатный новостной дискурс включает в себя тексты, которые публикуются в газетах, журналах и других изданиях. Такая форма характеризуется ограниченностью текста, а также наибольшей длительностью публикации актуальной информации. Кроме того необходим физический носитель в виде бумажного издания. В отличие от печатного новостного дискурса, для новостного радиодискурса характерна быстрота передачи актуальной информации до адресата о происходящих событиях, отсутствие письменных текстов, необратимость подачи новостей [Нестерова, 2009]. Новости, транслируемые посредством телевидения, совмещают в себе визуальный и звуковой способы восприятия информации, обладают линейностью. В свою очередь письменный текст, изображенный на экране, и устная речь телеведущего необратимы [Подольских, 2012].

Интернет является одной из важных причин изменения новостного дискурса по сравнению с печатным и телевизионным аналогами. Это различие обусловливается широкими технологическими возможностями донесения актуальной информации до адресата. Именно в Интернет-СМИ максимально реализуются такие важные аспекты новостного дискурса, как оперативность и точность подачи информации. Новостной дискурс в сети Интернет представлен в виде информационного блока, включающего в себя как текстовые материалы, так и мультимедийные, которые дополняют информацию об основном событии [Воротникова, 2005].

Таким образом, новостной дискурс является феноменом, в рамках которого группой людей формируется, обрабатывается, а затем распространяется информация об актуальных событиях, которые необходимо осветить. Являясь частью массмедийного дискурса, он включает в себя следующие свойства: гомогенность взглядов представителей источника новостей, направленность на массовую аудиторию и существование противоречия в содержании публикуемых материалов. Важными характеристиками новостного дискурса являются актуальность и масштабность освещаемого события, сближение с адресатом (как психологическое, так и пространственное), наличие определенной тематической направленности новостных текстов и их единая структура. Данный вид дискурса представлен в четырех формах: печатный дискурс, радиодискурс, телевизионный дискурс и интернет-дискурс.

1.4. Понятие концепта

В настоящее время термин «концепт» активно используется многими гуманитарными науками: литературоведением, философией, психологией, культурологией, лингвистикой. Определений термина «концепт» множество, так как он стал одним из ключевых в исследовании языковой картины мира как вариант плана содержания.

В языкознании выделяется три подхода к толкованию концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический. В рамках лингвистического подхода концепт понимается как значение слова в сочетании с когнитивным элементом. Поддерживают эту точку зрения С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов и др.

С.А. Аскольдов-Алексеев трактует концепт как мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997: 269].

Д.С. Лихачёв использовал понятие «концепт» для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует факты действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д.С. Лихачеву, не возникает из значений слов, он результат столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Концепт в этом плане, по Д.С. Лихачеву, выполняет заместительную функцию в языковом общении [Лихачев, 1993].

По В.В. Колесову «концепт – это зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова». «Концепт потому и становится действительностью рече мысли, образно данной в слове, что существует реально так же, как существует язык, фонема, морфема и прочие, уже выявленные наукой «ноумены» плана содержания, для всякой культуры жизненно необходимые. Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, направляет мысль говорящих на данном языке, определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка–речи» [Колесов, 2002: 68].

Для представителей когнитивного подхода (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.) концепт относится к явлениям ментального характера.

З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин, 2024].

В «Кратком словаре лингвистических терминов» предлагается такое толкование концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова, 1997: 90–92].

Культурологическое направление разрабатывают Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачëв, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик и др. Для этих учёных приоритетным становится культурологический аспект изучения концептов. Культура понимается ими как совокупность концептов и отношений между ними, концепт, таким образом, базовая единица культуры.

С.Г. Воркачев определяет концепт как «операционную единицу мысли» [Воркачев, 2004: 43], как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2004: 51–52]. Если ментальное образование не имеет этнокультурной специфики, оно, по мнению ученого, к концептам не относится [Попова, Стернин, 2024].

В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Введение в когнитивную лингвистику, 2004: 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Введение в когнитивную лингвистику, 2004: 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [Карасик, 2004: 3], «переживаемая информация» [Карасик, 2004: 128], «квант переживаемого знания» [Карасик, 2004: 361].

В.В. Красных трактует концепт как: «максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных, 2003: 272]. Национальный концепт В.В. Красных определяет так: «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2003: 268]; «своего рода свернутый глубинный «смысл» «предмета»» [Красных, 2003: 269].

Таким образом, в концепции В.В. Красных концепт может быть только единицей высокой степени абстракции, имеющей национально-культурную специфику, называемой словом и включающей словесные ассоциации на имя концепта [Попова, Стернин, 2024].

В.А. Маслова заметила, что в существующих многочисленных трактовках концепта можно выделить общую черту: во всех них концепт соотносится с сознанием человека, подчеркивается актуальная идея комплексного изучения языка, сознания и культуры.

З.Д. Попова и И.А. Стерин концептом называют дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин, эл. ресурс]

1.5. Концепт: его признаки и типы

В.А. Маслова и ряд других лингвистов считают необходимым выделить инвариантные (базовые) характеристики концепта.

По мнению В.А. Масловой, концепт обладает такими признаками: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры [Маслова, 2008: 50].

Г.А. Крюкова предложила следующие характеристики концепта в собственном понимании:

1. Концепт (точнее лингвокультурный концепт) – ментальная единица репрезентации как знания о мире в целом, так и о его фрагменте.

2. Концепт имеет ментальную природу, так как является мыслительной единицей деятельности сознания человека. А взаимодействие языка и культуры, отражение картины мира происходит в сознании.

3. Концепт – это условная единица, отличающаяся некоторой размытостью. Концепт состоит из ядра, являющегося его именем, и периферии. Ядро содержит наиболее значимые языковые ассоциации,

периферия – менее значимые. Количество разных ассоциаций безгранично (сколько людей, столько ассоциаций). Следовательно, концепт не имеет четких границ.

4. Концепт обладает ценностной характеристикой. Концепты – это, по существу, ключевые номинации фактов культуры, которые обычно в словарях сопровождаются стилистическими оценочными пометами: выс., сниж., груб. и т.д., а также на ментальном уровне оцениваются как хорошо, плохо, интересно, страшно, весело и т.д.

5. Концепт отличается некоторой изменчивостью (непостоянством признака). В жизни языкового общества в связи с его историческим развитием в содержании концепта могут происходить изменения в семантике, в оценке того или иного события, обозначенного концептом, под влиянием экстралингвистических факторов. В отличие от концепта константа сохраняет свои признаки более длительный временной период.

6. Концепт ограничен сознанием носителя языка. Лингвокультурный концепт существует в коллективном сознании носителей языка (социальном, этнонациональном, религиозном, общечеловеческом) и индивидуальном. Индивидуальные концепты разнообразнее. Из суммы индивидуальных концептов (общих совпадений содержательного значения) складывается концентрированное концептуальное содержание, фиксируемое в словаре.

7. Концепт трехкомпонентен, включает ценностный, образный (эмоционально-чувственный и образно-метафорический) и понятийный или фактуальный компонент, который хранится в вербальной словоформе в сознании. Два других компонента (ценностный и образный) невербальные, их можно описать и интерпретировать.

8. Концепт многомерен. В когнитивной лингвистике он представлен единицами разных структурных типов: фрейм, прототип, гештальт, схема, сценарий (скрипт), инсайт и т.д., которые могут быть вербализованы

лексемами, фразеосочетаниями и фразеологизмами, синтаксическими концептами, содержащими типовые пропозиции и даже текстами [Крюкова, 2008: 132–133].

В современной лингвистике существуют различные типологии концептов. Концепты могут различаться по принадлежности тому или иному слою общества. В.И. Карасик предлагает выделять три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Среди социокультурных выделяются концепты, объединяющие людей по возрастному, гендерному, образовательному, сословному признакам, и концепты, идентифицирующие представителей той или иной субкультуры [Карасик, 2002: 98].

Существует типология когнитивных концептов по принятым в когнитивной науке признакам: 1) мыслительные картинки (конкретные зрительные образы); 2) схемы (менее детальные образы); 3) гиперонимы (очень обобщенные образы); 4) фреймы (совокупность хранимых в памяти ассоциаций); 5) инсайты (знания о функциональной предназначенности предмета); 6) сценарии (знания о сюжетном развитии событий); 7) калейдоскопические концепты (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами) [Бабушкин, 1996: 43–67].

Н.Н. Болдырев утверждает, что за концептами могут стоять знания разной степени абстракции: 1) конкретно-чувственный образ; 2) представление (мыслительная картинка как обобщенный чувственный образ); 3) схема (мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер); 4) понятие (концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики); 5) прототип (категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории); 6) пропозициональная структура, или пропозиция

(модель определенной области опыта, в которой вычленяются элементы, даются их характеристики); 7) фрейм (объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет информации, знания о стереотипной ситуации); 8) сценарии или скрипты (динамически представленные фреймы); 9) гештальт (концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации) [Болдырев, 2001: 36–38].

Итак, концепт – это сложное ментальное образование. В лингвистике сложились различные подходы к пониманию этого явления, рамках которых учёные высказывают свои мнения о сущности концепта, его базовых признаках и типологиях.

1.6. Структура концепта

На сегодняшний день не существует единой теории, четко определяющей структуру концепта. Однако все лингвисты, разрабатывающие проблемы концептуализации знаний, отмечают, что концепт имеет определенную структуру. Данная структура носит нежесткий характер. Это связано с активной динамической ролью концепта в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления [Стернин, 2001: 58].

Высказываются различные мнения об основных составляющих (слоях, уровнях, компонентах) концептов.

Ю.С. Степанов указывает на то, что структура концепта очень сложна. Лингвист включает в нее все то, что принадлежит понятию – с одной стороны, а с другой – то, что делает его фактом культуры (исходная форма (этимология), история, современные ассоциации, оценки и т.д.). Он выделяет в концепте три компонента, три слоя: 1) основной, актуальный признак

(общеизвестная информация); 2) дополнительный, или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже неактуальными, историческими (информация, известная отдельным носителям языка); 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме (этимологическая информация) [Степанов, 2004:46].

С.Г. Воркачев также выделяет в составе концепта три составляющие: понятийную (отражает признаковую и дефиниционную структуру), образную (фиксирует когнитивные метафоры) и значимостную (место, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка) [Воркачев, 2002]. В плане содержания лингвокультурного концепта исследователь выделяет как минимум два ряда семантических признаков: семы, общие для всех его языковых реализаций («скрепляют лексикосемантическую парадигму и образуют понятийную либо прототипическую основу»), и семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций (они отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой) [Воркачев, 2002].

В.И. Карасик, рассуждая о структуре концептов как духовных ценностей, выделяет образную, понятийную и ценностную составляющие [Карасик, 1999: 39]. Образная составляющая понимается как след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами [Карасик, 2002: 27], понятийная составляющая – совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания [Карасик, 1999: 39]. Причем для лингвокультурного исследования наиболее важной оказывается ценностная составляющая, поскольку именно она имеет культурное значение.

Г.Г. Слышкин строит ассоциативную модель концепта (концепт здесь рассматривается как процесс непрерывной номинации и реноминации

объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами). В структуре концепта выделяется четыре элемента: интразона (совокупность входящих смысловых ассоциаций), экстразона (совокупность исходящих смысловых ассоциаций), квазиинтразона (совокупность входящих формальных ассоциаций), квазиэкстразона (совокупность исходящих формальных ассоциаций) [Слышкин, 2004: 60].

З.Д. Попова и И.А. Стернин разработали убедительную структуру концепта. Они выделяют в концепте микро- и макрокомпоненты. Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта, микрокомпоненты объединяются в макрокомпоненты, которые отражают содержательные типы информации, представленной в концепте. Исследователи выделяют три макрокомпонента – образный компонент, энциклопедическое поле и интерпретационное поле.

Образный компонент представляет собой базовый образ универсального предметного кода, в него включаются перцептивный (отражающий результаты восприятия референта концепта органами чувств) и когнитивный (отражающий связи содержания концепта с другими концептами).

Энциклопедическое поле включает в себя когнитивные признаки, отражающие осмысление собственных, онтологических признаков концептуализируемого явления, отличающих его от сходных предметов и явлений. Энциклопедические сведения приобретаются носителями языка в процессе обучения, практического взаимодействия с концептуализируемым предметом или явлением и т.д. В данном поле выделяются категориальная зона (категориальные признаки концепта), дифференциальная зона (отличительные признаки явления или предмета), описательная зона (признаки, характеризующие различные свойства и проявления предмета или

явления), идентификационная зона (когнитивные признаки, отождествляющие концепт с его конкретными физическими репрезентантами), мифологическая зона (когнитивные признак, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о предмете или явлении).

Интерпретационное поле концепта включает в себя совокупность когнитивных признаков, так или иначе интерпретирующих образ и энциклопедическое содержание концепта, представляющих собой их практическое осмысление сознанием человека, т.е. это результат дополнительного размышления народа над основным содержанием концепта.

Здесь различают оценочную зону (когнитивные признаки, выражающие общую оценку), энциклопедическую зону (когнитивные признаки, характеризующие признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т. д.), утилитарную зону (когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к концептуализируемому явлению), регулятивную зону (когнитивные признаки, предписывающие, что следует и что не следует делать с концептуализируемым предметом или явлением), социально-культурную зону (когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под.), паремиологическую зону (совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях) [Попова, Стернин, 2007].

Итак, концепт – сложное динамическое явление. Он относится к единицам концептуальной системы, которые репрезентируется

семантическими структурами различного уровня сложности и абстрактности. В результате этого построение модели структуры концепта – это одна из задач современных исследователей. В лингвистике высказываются различные мнения об основных составляющих (слоях, уровнях, компонентах) концептов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В рамках современной научной сферы дискурс выступает сложным феноменом. Она является продуктом осмысления множественных социальных процессов и, как следствие, вносит значительный вклад одновременно в формирование и осуществление таких процессов.

Дискурс выступает неотъемлемой частью общественной деятельности, в том числе новостной сферы. Новости относятся к отдельному виду дискурсу – новостному, функционирующему в рамках массмедийного подтипа дискурса. Новостной дискурс представляет собой феномен, включающий тексты с актуальной, представляющей ценность для социума информацией о происходящих событиях. Данный вид дискурса обладает не только свойствами, характерными для массово-информационного типа дискурса, но и такими специфическим свойством, как направленность новостных материалов на определенную часть читательской аудитории в силу психологического и пространственного сближения с адресатом. Узконаправленным свойством новостного дискурса также является существование единой композиционной структуры текстов, которая предоставляет читателю возможность быстрого определения основного содержания новости.

В зависимости от используемого канала распространения информации новостной дискурс включает в себя четыре основных формата новостей: печатный, телевизионный, формат радио, а также интернет-формат. Специфика новостей, публикуемых в Интернете, включают особенности, которые обусловлены доступностью, полифоничностью и интерактивностью сети Интернет. Основными характеристиками интернет-новостей являются мультимедийность, интерактивность, наиболее высокая оперативность публикации новостных материалов и практически неограниченный объем текстов для публикации, организации и хранения.

В языкознании выделяется три подхода к толкованию концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический. В рамках лингвистического подхода концепт понимается как значение слова в сочетании с когнитивным элементом. Представителями этой точки зрения являются С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов и др. Для представителей когнитивного подхода (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.) концепт относится к явлениям ментального характера. Культурологическое направление представляют Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачëв, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик и др. Для этих учёных приоритетным становится культурологический аспект изучения концептов. Культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, концепт, таким образом, базовая единица культуры.

По мнению В.И. Карасика, концепт определяется как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта».

Лингвисты отмечают, что не следует смешивать и употреблять как синонимичные такие термины, как «концепт», «понятие», «значение». Между понятием и значением существуют различия, которые заключаются в том, что понятие формируют предмет и мышление, а значение – предмет, мышление и структура языка. Значение является общеизвестной и коммуникативно-релевантной частью концепта. Понятие также выступает в качестве одного из составляющих концепта.

Учёными зафиксировано множество признаков концепта. Концепт имеет ментальную природу; является это условной единицей, отличающейся некоторой размытостью; состоит из ядра, являющегося его именем, и периферии; обладает ценностной характеристикой; отличается некоторой изменчивостью (непостоянством признака); ограничен сознанием носителя языка; трехкомпонентен, включает ценностный, образный

(эмоционально-чувственный и образнометафорический) и понятийный или фактуальный компонент, который хранится в вербальной словоформе в сознании; многомерен.

В лингвистике разработаны различные типологии концептов. Ряд учёных выделяет культурные концепты: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Также исследователи описывают типологию когнитивных концептов по принятым в когнитивной науке признакам: мыслительные картинки; схемы; гиперонимы; фреймы; инсайты; сценарии; калейдоскопические концепты.

Структура концепта очень сложна. В лингвистике высказываются различные мнения об основных составляющих (слоях, уровнях, компонентах) концептов. В.И. Карасик разработал убедительную, на наш взгляд, структуру концепта. Исследователь выделяет три компонента, входящих в концепт, – образный, понятийный и ценностный.

ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР» В СОВРЕМЕННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ США

2.1. Зарубежные исследования репрезентации мусульманского мира в американском новостном дискурсе

Освещение тем, связанных с исламом и его последователями, чаще всего строится вокруг теракта 11 сентября 2001 года, тем не менее, не привело к тотальному распространению исламофобии, а, напротив, как подчеркивает социолог Кристофер Бейл, большое количество общественных организаций Америки оказали поддержку мусульманам, выступающим за мир, не одобряющим действия террористов и не разделяющим их убеждения [Bail, 2012]. Ученый отмечает, что данное содействие, заверяющее представителей ислама, не имеющих ничего общего с террористами, что они не станут объектом мести и ненависти, а также напоминающее остальным американцам, что не следует связывать любые проявления ислама с терроризмом, несла скорее формальный, официальный характер. Уровень исламофобии в обществе значительно вырос, что отразилось в публичных обсуждениях, а также в высказываниях некоторых медийных личностей [Там же].

Эрик Блейх, Хасан Низар, Рехаб Абдельхамид замечают, что снизилось количество примеров негативной стереотипизации репрезентации мусульманского мира в СМИ, в том числе, заголовки имели более позитивные коннотации [Bleich, Nisar, Abdelhamid, 2016]. Это обуславливается тем, что после событий 11 сентября редакции СМИ намеренно избегали упоминаний ислама и мусульман в негативном ключе с целью не провоцировать исламофобные волнения среди читателей и слушающих. Эта тенденция не пропала со снижением агрессивного проявления исламофобии, она сохранилась до сегодняшних дней [Там же].

М. Тревино, А.М. Кансо, Р.А. Нельсон утверждают, что после терактов 11 сентября американские СМИ в написании статей о мусульманах и исламе старались использовать преимущественно нейтральные коннотации, избегая положительных или негативных оценок. Авторы также упоминают о ранних ярких проявлениях исламофобии, в которых мусульмане отождествлялись с террористами, экстремистами, фундаменталистами, радикалами и фанатиками [Trevino, Kanso, Nelson, 2001]. Несмотря на эти примеры, после событий 11 сентября наблюдалось заметное преобладание сбалансированных формулировок, в содержание которых не было включено обвинение мусульман и ислама в случившемся, ни прямая, ни косвенная поддержка также не была освещена. Возможная причина этой тенденции заключалась в опасениях открытого выражения солидарности с группой, которую многие американцы сочли виновной в теракте, а также в нежелании транслировать дискриминационные стереотипы в отношении этой группы. Основываясь на этой позиции, при написании статей был выбран неэмоциональный и объективный тон [Там же].

Дж. Умамахесвар предлагает ещё один вариант репрезентации ислама и мусульман в американских СМИ после 11 сентября и утверждает, что негативный образ мусульманина был присвоен отдельным группам мусульман, например, мусульманам-заключенным [Umamaheswar, 2015]. Последние сообщения в медиа о распространении «радикального ислама» в тюрьмах США нашли положительное отражение, подчеркивая роль исламских догматов в противодействии радикализации и указывая на последователей ислама как желательную альтернативу терроризму и преступности. Такое представление об исламе и мусульманах в СМИ США кажется наиболее полным и разносторонним. Обычно в медиа явления общественной жизни имеют различные, иногда противоположные

коннотации, но в данном случае оба взгляда сосуществуют в рамках одной позиции [Umamaheswar, 2015].

Б.Дж. Боу, Т.В. Макки отмечают, что в американских медиа представлены как исламофобия, так и исламофилия, и эти явления не противоположны, а, наоборот, близки, так как основаны на ориенталистском западном восприятии мира. По мнению исследователей, эти два понятия предполагают два возможных образа, одному из которых должен соответствовать мусульманин, проживающий на Западе: «плохой» и «хороший». Первый образ радикален, опасен для общества, стремится навязать свои убеждения, а в случае отказа – навредить. В свою очередь, второй образ миролюбив, дружелюбен, готов адаптироваться, подстраиваться под нормы общества. Оба варианта подразумевают существование единственной правильной модели поведения – «западной», к которой мусульмане либо приспосабливаются, либо нет. Одобрительное отношение к ним на основании того, что они могут перенять эту модель, вряд ли способствует полноценному признанию их равенства с немусульманскими гражданами США [Bowe, Makki, 2016].

Изучение статей американских СМИ позволяет указать на то, что на самом деле в них демонстрируется неравенство в репрезентации. Э. Блейх, А.М. Ван дер Вин утверждают, что мусульманам в медиа приписывают гораздо более негативный образ в отличие от других религиозных групп, таких как католики, иудеи, индуисты [Bleich, van der Veen, 2021]. Основными факторами создания негативного образа выступают:

- 1) упоминание экстремизма в текстах (отрицательный контекст, формирование соответствующих ассоциаций);
- 2) освещение преимущественно зарубежных событий (представление «иностранный» ислама с более негативными коннотациями в сравнении с американским):

- 3) тип создания (грубая стереотипизация, встречающаяся в бульварной прессе);
- 4) период публикации (после теракта 11 сентября образ ислама и мусульман наиболее положителен) [Там же].

По мнению Х. Низар, Э. Блейх, негативная репрезентация мусульман варьируется в зависимости от региона, в котором происходят описываемые события. Так, например, к приверженцам ислама, проживающим в западных странах, журналисты относятся лояльнее, в отличие от мусульман из Ближнего Востока и Северной Африки, которые подвергаются жесткой критике [Nisar, Bleich, 2020].

Некоторые исследователи рассматривают роль этнических особенностей, расовой принадлежности в формировании отношения к мусульманам в США. Так, Э. Лов утверждает, что американская исламофобия имеет расистские корни. Он замечает, что негативная предвзятость в американском обществе и медиапространстве особенно сильна в отношении небелых мусульман, которые подвергаются двойной дискриминации: на основании как расовой, так и религиозной идентичности [Love, 2017].

При этом религиозная нетерпимость часто оказывается сильнее расовой, что также проявляется в медиа. Из работы Н. Ладжеварди следует, что даже медийный образ мусульман, проживающих в США, – что, как уже было упомянуто, является одним из факторов, способствующих относительно позитивной репрезентации, – в целом более негативный, чем образ темнокожих американцев, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения [Lajevardi, 2021]. В исследовании доказывається, что такая ситуация ведет к возрастающим враждебным настроениям в отношении жителей США, исповедующих ислам, формирует у аудитории анализируемых СМИ представление о необходимости ужесточать государственную политику в сфере религиозной жизни, контролировать американцев-мусульман в

интересах безопасности. Позитивные смыслы, хоть и встречаются наряду с негативными, не оказывают настолько сильное воздействие. Соответственно, положительные образы имеют меньший потенциал влияния на общественное сознание, чем отрицательные [Там же].

По мнению исследователей, стереотипизация ислама и его последователей в американских медиа действительно иногда принимает радикальные формы, достигает той стадии, на которой исламофобия становится не скрытой за неявными коннотациями и другими лексическими приемами, а в большей степени очевидной. Такая радикализация может происходить не только в области средств, к которым журналисты прибегают для создания образов, но и в области транслируемых смыслов. В этом случае идеологический посыл публикации может оставаться скрытым, но быть более однозначным, непримиримым, чем в усредненном материале СМИ об исламе и мусульманах. Пример такой радикальной установки, продвигаемой через некоторые американские медиа, описывают Н. Кибрия, Т.Х. Уотсон, С. Себлорд. Они рассматривают параллель дихотомий «Запад»/«ислам» и «добро»/«зло» и указывают, что в СМИ США нередко прослеживается понимание Запада как абсолютного добра, а ислама (который является, в соответствии с ориенталистским подходом, выражением Востока в качестве антонима Запада) – как абсолютного зла [Kibria, Watson, Selord, 2018]. Согласно такой позиции, добро призвано бороться со злом, если не может изменить его, адаптировать к своим ценностям. В подобной интерпретации эта идея способна привести к острым межрелигиозным противоречиям и конфликтам [Там же].

Широкая распространенность примеров негативной репрезентации ислама и мусульман в медиа США влияет на повседневную жизнь американского общества, особенно его мусульманских членов. М.Ф. Алказеми упоминает формирование «спирали молчания» как одно из

вероятных последствий этого явления [Alkazemi, 2015]. Желание открыто говорить о религии, выносить религиозные вопросы в поле публичного обсуждения снижается среди американцев, исповедующих ислам, которые регулярно смотрят телевизор. Причина этого может заключаться в том, что негативные образы, фигурирующие в СМИ, создают впечатление о враждебно настроенной в отношении мусульман общественности, даже если такое представление не соответствует действительности [Там же].

С этим эффектом негативной репрезентации в определенной степени связан другой, который описывают М. Салим, М. Войцешак, И. Хокинс, М. Ли и С. Рамасубраманиян. Он заключается в том, что мусульманам, проживающим в США, становится психологически сложнее идентифицировать себя как американцев и взаимодействовать с другими гражданами этого государства. Даже если у них возникает такое желание, оно подавляется потенциальным отторжением, которое мусульмане ожидают встретить со стороны общества, основываясь на сформированном в медиа отрицательном образе их религии, закрепившемся, как им может казаться, в сознании подавляющего большинства. Кроме того, мусульмане, знакомые со своим негативным изображением в американских СМИ, менее склонны доверять правительству США. Они чувствуют от него не поддержку, которая могла бы стать стимулом для интеграции в культуру страны, а подозрительность и угрозу. Исследование также демонстрирует, что личный опыт частной дискриминации не оказывал на поведение мусульман такое явное влияние, как переживание коллективной дискриминации в медиапространстве [Saleem, Wojcieszak, Hawkins, Li, Ramasubramanian, 2019].

В другой работе М. Салим и С. Рамасубраманиян снова подчеркивают тяжесть последствий массовой дискриминации мусульман в медиа, носящей обезличенный характер [Saleem, Ramasubramanian, 2019]. Исповедующие ислам американские студенты, которые испытывают такой вид притеснений и

болезненно воспринимают его, всячески избежали взаимодействия с окружающими, не показывали потребность в социальном признании со стороны остальных американцев. Эксперимент доказал, что обсуждение собственного отрицательного опыта и рефлексия над ним в подобной ситуации оказывают терапевтический эффект, возвращают стремление к общению, положительно влияют на готовность участвовать в коллективных действиях. Однако травмы, нанесенные многолетним опытом медийной дискриминации, могут оказаться для сообщества мусульман США в целом слишком глубокими, чтобы быть преодоленными только за счет рефлексии – важно устранить причину проблемной ситуации, то есть преобладание негативной репрезентации ислама и мусульман в СМИ [Там же].

Приведенные факты свидетельствуют о деструктивных последствиях отрицательной стереотипизации исповедующих ислам американцев не только для них самих, но и для государства и общества в целом. Это выражается, например, во вполне конкретном явлении, на которое указывает К.А. Пауэлл: алармистские материалы СМИ об исходящей от мусульман угрозе, о так называемом «исламском терроризме» культивируют страх перед этой религией, а особенно перед ее радикальными проявлениями [Powell, 2018]. Это оказывается выгодно для террористов, способствует достижению их главной цели – запугиванию мирных граждан, распространению среди населения паники. В этом смысле авторы медиатекстов, в которых складывается образ любого мусульманина как потенциального террориста, действуют в интересах реальных террористов, осознанно или нет [Там же].

Еще одну силу, интересам которой отвечает преимущественно негативная репрезентация ислама и мусульман, представляют сторонники вторжения в исламские страны, чаще всего политики и военные. В современной американской истории это демонстрировалось неоднократно. М. Салим, С. Прот, К.А. Андерсон и А.Ф. Лемье приходят к выводу, что

медийное изображение мусульман как агрессивной и враждебной для американцев группы приводит к росту одобрения военных действий против мусульманских государств на их территории и к поддержке жестких законодательных ограничений для мусульман, которые являются гражданами США [Saleem et al., 2017].

Однако не всегда материалы американских СМИ о мусульманах, в которых эта группа и исповедуемая ей религия представлены в отрицательном ключе, выражают исключительно интересы той или иной политической силы и не имеют реальной основы. М. Самайе и Б. Мальмир указывают на роль части мусульман в закреплении негативных стереотипов. Многие из них подкрепляют ожидания аудитории медиа, распространяющих исламофобию, своим эксцентричным поведением. Исследователи справедливо замечают, что возможность полностью объективного освещения такой сложной темы, как религиозная жизнь, представляется сомнительной, и в материалах об исламе достаточно естественно возникает доля авторской субъективной позиции [Samaie, Malmir, 2017]. Важно, чтобы эта позиция не подменила факты действительности, на которые опирается медиатекст, всецело [Там же].

Анализ работ, посвященных репрезентации мусульманского мира в СМИ США показывает, что «точкой отсчета» современного этапа репрезентации ислама и мусульман в американском новостном дискурсе можно назвать теракты 11 сентября 2001 года. Это событие привело к росту исламофобии в американском обществе. Медиа в основном противодействовали этой тенденции, а не поддерживали ее. Исследователи расходятся во мнении, как именно СМИ старались предотвратить распространение исламофобии: отдавали предпочтение позитивным коннотациям при упоминании ислама и мусульман, предпочитали сбалансированную нейтральную стратегию или противопоставляли мирный

вариант ислама радикальному, с которым ассоциировались отдельные группы мусульман.

2.2. Основные концептуальные характеристики концепта «мусульманский мир»

2.2.1. Мусульманский мир как мир войны и терроризма

С момента первых контактов с арабами и мусульманами репрезентация ислама на Западе не является новым явлением. Со Средневековья, в ходе Священной войны и экспансии арабов в Европе и до третьего тысячелетия Запад сохранял идентичные стереотипы относительно представителей народов данных этно-языковых групп. Соответственно, арабы всегда описывались как другие или как враги. В последнее время средства массовой информации уделяют большое внимание исламу, изображая, характеризуя, анализируя и популяризируя его. Однако данный образ основан исключительно на субъективных фактах, что вводит в заблуждение зрителей, читателей и слушателей. Ислам часто ассоциируется с сильной расовой, культурной и этнической ненавистью.

Мусульманский мир – очень значимый по численности своих представителей и территории распространения. По числу последователей мусульмане составляют вторую по величине мировую религиозную группу после христиан – 1,8 миллиарда мусульман, это составляет почти четверть населения мира [Lipka, Hackett, 2017]. Учитывая высокую рождаемость среди мусульман, ислам является самой быстрорастущей религией и, согласно прогнозам, в 2060 году составит 31% мирового населения, сравнявшись по численности с христианством [Там же].

Такая концептуальная характеристика, как «мусульманский мир как мир войны и терроризма», представлена в современном новостном дискурсе США посредством целого ряда концептуальных смыслов:

- 1) мусульманский мир как разобценная геополитическая система;

2) мусульманский мир как мир терроризма и вооруженных конфликтов.

2.2.1.1. Мусульманский мир как разобщенная геополитическая система

Представление мусульманского мира часто ассоциируется с образами и событиями, происходящими в арабских и африканских странах и странах Персидского залива. Эта связь обусловлена тем, что большинство этих стран являются мусульманскими и оказывают значительное влияние на формирование представлений о мусульманской культуре и вере. Арабские страны, такие как Саудовская Аравия, Египет, Иордания и другие, известны своими историческими и религиозными достопримечательностями

Кроме того, арабские страны привлекают внимание своей политической и экономической значимостью. Они играют решающую роль в региональных и международных делах, особенно в контексте проблем Ближнего Востока. Политические конфликты, социальные движения и события, происходящие в арабских странах, часто привлекают внимание мировой общественности и формируют представление о мусульманском мире в глазах международного сообщества. Ввиду постоянной миграции населения представителей данной религии можно встретить в каждой стране, однако большая часть мусульман проживает в странах Ближнего Востока.

В проанализированных контекстах география мусульманского мира преимущественно представлена топонимами, а именно номинациями стран Персидского залива. Наиболее частотными выступают *Saudi Arabia, Iran, Iraq, Yemen etc.* Например:

(1) *Under the Iraqi dictatorship, the Sunni minority had formed the base of Mr. Hussein's power; once he was killed, Iran set up loyal militias inside Iraq. It also went on to dismay Saudi Arabia and the other Persian Gulf monarchies and Israel by supporting proxies and partners, such as the Houthi militia in Yemen,*

that brought violence right to their doorsteps (“In U.S.-Led Iraq War, Iran Was the Big Winner”, NYT, 19.03.2023);

(2) *Somalia is also the center of a U.S. counterterrorism drone war that has waned in other hot spots like Yemen, Libya and Pakistan’s tribal areas where U.S. airstrikes have diminished the threat* (“U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023) *etc.*

Мусульманский мир условно можно поделить на суннитский и шиитский. Конфликт между суннитами и шиитами имеет исторические корни в исламе и продолжается уже много лет. Это религиозное разделение началось после смерти пророка Мухаммада, когда не было ясности относительно того, кто должен был стать его наследником. Шииты считают, что Али, его кузен и зять, должен был стать следующим правителем, передавая престол по наследству. В то же время сунниты признали халифат Умара ибн аль-Хаттаба, близкого друга и сподвижника Пророка, следующим правителем и не требовали, чтобы прямые потомки Мухаммада присоединялись к управлению [Malbouisson, 2007].

Не менее 87% мусульман являются суннитами [Miller, 2009]. Они составляют большинство в Афганистане, Саудовской Аравии, Египте, Йемене, Пакистане, Индонезии, Турции, Алжире, Марокко и Тунисе. Шииты составляют большинство в Иране, Бахрейне и Ираке. Кроме того, они составляют значительное меньшинство в Афганистане, Саудовской Аравии, Йемене, Сирии, Ливане и Азербайджане [Там же].

В контексте американских СМИ Иран сопоставляется с другими странами Ближнего Востока, такими как Ирак, Йемен, Ливан и Сирия в связи с распространением шиизма в этих регионах, а также поддержкой таких военных группировок, как Хуситы и Хезболла. Военные конфликты Ирана также способствовали такой ассоциации, особенно в связи. В контексте статей американского новостного дискурса прослеживается деление

мусульманского мира на суннитов (*Sunni – (a member) of the largest Islamic religious group, which follows the teachings only of Mohammed, not those of any of the religious leaders who came after him* [Cambridge dictionary, 2024]) и шиитов (*Shiite (Shia) – a member of the second largest religious movement in Islam, based on the belief that Ali, a member of Mohammed's family, and the teachers who came after him were the true religious leaders* [Cambridge dictionary, 2024]) и их противостояние друг другу, представленное существительными с семантикой конфликта и военных ополчений, а также жестокой силы. В проанализированных дискурсивных фрагментах эти конфликты представлены противоборством двух ведущих государств Ближнего Востока – Саудовской Аравии Ирана. Например:

(3) *It has a sectarian dimension – Saudi Arabia's royal family and a majority of its populace are **Sunni**, while Iran's people are overwhelmingly **Shiite** – but has mainly played out in proxy **conflicts** in **Yemen, Iraq, Syria and Lebanon**, where **Iran** has supported **militias** that **Saudi** officials say have destabilized the region ("From 'Hitler' to 'Sharing One Fate': Saudi-Iran Pact Could Transform the Middle East", NYT, 12.03.2023);*

(4) *In the Persian Gulf, the monarchies ruling **Saudi Arabia** and **Bahrain** have accused **Iran** of trying to **foster instability** by encouraging uprisings among the **Shiite majority in the tiny island nation of Bahrain** and the **Shiite minority concentrated along Saudi Arabia's oil-rich eastern coast**. In both countries, **dissent was put down with brutal force** (*The Proxy Forces Iran Has Assembled Across the Middle East, NYT, 27.10.2023*) etc.*

Распространенной тенденцией в современном американском новостном дискурсе является деление стран Ближнего Востока на две основные группы – шиитскую и суннитскую. Так, частотным является упоминание таких стран, как *Saudi Arabia, United Arab Emirates, Egypt, Morocco* в одном

предложении-высказывании. Данный факт обусловлен тем, что население данных стран составляют преимущественно мусульмане-сунниты. Например:

(5) *The hard-line policies of the new government could also have repercussions with Arab states, even as Israel has in recent years forged diplomatic ties with countries like **the United Arab Emirates, Bahrain and Morocco**, and has maintained decades-old peace treaties with neighboring **Egypt and Jordan*** ("Hard-Line Israeli Minister Visits Volatile Jerusalem Holy Site", NYT, 03.06.2023);

(6) *The **United Arab Emirates** condemned Mr. Ben-Gvir's visit, as did **Saudi Arabia**, a major player in the Muslim world. Mr. Netanyahu has set establishing open diplomatic relations with **Saudi Arabia** as a goal for his new government. **Egypt** warned of the "negative repercussions of such measures on security and stability" and **Morocco** said it was following the event closely* ("Hard-Line Israeli Minister Visits Volatile Jerusalem Holy Site", NYT, 03.06.2023);

(7) *It's the war between Iran and its proxies – Hamas, Hezbollah, the Houthis and Shiite militias in Iraq – against America, Israel and the moderate Arab states of **Egypt, Saudi Arabia, Jordan, the U.A.E. and Bahrain*** ("Understanding the True Nature of the Hamas-Israel War", NYT, 28.11.2023) etc.

Шиитская сторона мусульманского мира репрезентируется в основном Ираном, Ливаном, Ираком, Сирией и крупными шиитскими организациями, такими как Хуситы и Хезболла. Соответственно, имена собственные, выступающие топонимическими и антропонимическими названиями указанных стран и организаций, также употребляются в контексте единого предложения-высказывания. Например:

(8) *But American military commanders and intelligence agencies continue to closely watch Iran as well as the groups it supports, which include **Hezbollah in Lebanon, the Houthis in Yemen** and militias in **Iraq and Syria**. A Navy warship in the southern Red Sea on Wednesday shot down a drone fired from **Yemen** that a*

U.S. military official said posed a threat to the ship (A U.S.-Iranian Miscalculation Could Lead to a Larger War, Officials Say, NYT, 29.11.2023);

*(9) It's the war between **Iran** and its proxies – **Hamas, Hezbollah, the Houthis and Shiite militias in Iraq** – against America, Israel and the moderate Arab states of Egypt, Saudi Arabia, Jordan, the U.A.E. and Bahrain ("Understanding the True Nature of the Hamas-Israel War", NYT, 28.11.2023);*

*(10) It has a sectarian dimension – Saudi Arabia's royal family and a majority of its populace are Sunni, while **Iran's** people are overwhelmingly Shiite – but has mainly played out in proxy conflicts in **Yemen, Iraq, Syria and Lebanon**, where **Iran** has supported militias that Saudi officials say have destabilized the region ("From 'Hitler' to 'Sharing One Fate': Saudi-Iran Pact Could Transform the Middle East", NYT, 12.03.2023) etc.*

Персидское государство Иран совместно с Ираком, Сирией, Ливаном и Йеменом нацелены на расширение своего влияния на Ближнем Востоке и подчинение арабских стран. Данные государства являются явными врагами не только суннитской части мусульманского мира, но и врагами Соединенных Штатов Америки, стремясь вытеснить их с территорий арабо-персидских государств, а также Израиля, который намереваются уничтожить.

*(11) The raw power dimension is over who will be the hegemon, i.e. the big dog, in the region – **Shiite Iran**, tied to Russia and extending its reach to **Iraq, Syria, Lebanon and Yemen**, or **Sunni Arab-dominated Saudi Arabia** in a tacit alliance with **Bahrain, the U.A.E., Jordan, Egypt and Israel** and all backed by **America**. In this third war, Iran's goal is **to drive the United States out of the Middle East, to destroy Israel and to intimidate America's Sunni Arab allies and bend them to its will** ("Understanding the True Nature of the Hamas-Israel War", NYT, 28.11.2023).*

Таким образом, в свете современного американского новостного дискурса мусульманский мир в арабских, персидских и африканских странах

не представлен единым образованием с общими идеями, а, напротив, репрезентирован как мир, подверженный внутренним конфликтам, основанным на разногласиях в вероубеждениях, преимущественно между суннитами и шиитами.

2.2.1.2. Мусульманский мир как мир терроризма и вооруженных конфликтов

В современном американском новостном дискурсе мусульманский мир часто представлен в контексте указания на терроризм. В основе данной образной характеристики лежит факт того, что именно мусульманский мир организует и инициирует террористические атаки и войны, которые разворачиваются на территориях стран Ближнего Востока.

Основными концептами мусульманского мира как мир терроризма и вооруженных конфликтов являются:

- 1) мусульманский мир – мир террористических организаций;
- 2) мусульманский мир как мир войны, насилия, терроризма;
- 3) мусульманский мир как мир злости, жестокости и смертельной опасности;
- 4) мусульманский мир как мир взрывов и нападения;
- 5) мусульманский мир как мир насилия и убийства.

2.2.1.2.1. Мусульманский мир – мир террористических организаций

Наибольшее внимание со стороны американских СМИ сфокусировано на действиях вооруженных группировок и террористических организаций *Hamas, the Islamic State, Houthi, I.R.G.C., Quds Force, Al Shabab, Al Qaeda etc.* Например:

(12) *A switch has flipped on American college campuses since Oct. 7, when **Hamas** killed more than 1,400 people in Israel (“After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds”, NYT, 09.11.2023);*

(13) *The United States has 2,500 troops in Iraq and 900 in Syria, mostly to help local forces fight remnants of **the Islamic State** (“U.S. Carries Out Another Round of Airstrikes on Targets Tied to Iran”, NYT, 12.11.2023);*

(14) *...a U.S. military MQ-9 Reaper surveillance drone was shot down over the Red Sea off the coast of Yemen on Wednesday by Iran-backed **Houthi rebels** (“U.S. Strikes Iran-Linked Facility in Syria in Round of Retaliation”, NYT, 08.11.2023);*

(15) *“This precision self-defense strike is a response to a series of attacks against U.S. personnel in Iraq and Syria by **I.R.G.C.-Quds Force** affiliates,” Defense Secretary Lloyd J. Austin III said in a statement (“U.S. Strikes Iran-Linked Facility in Syria in Round of Retaliation”, NYT, 08.11.2023);*

(16) *Since returning to office, he has declared an all-out war on **Al Shabab**, vowing to limit their geographical reach and cut off their money (“U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023);*

(17) *Since last August, the unit, called Danab, has spearheaded a string of Somali army victories against **Al Shabab**, an **Islamist terrorist group** that is considered the deadliest of **Al Qaeda**’s global branches (“U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023);*

(18) *The first step Biden took was essential, moving two aircraft carrier groups to the region to deter **Hezbollah** and Iran from expanding the war (“We Cannot Kill Our Way Out of This Endeavor”, 11.11.2023);*

(19) *On Dec. 11, helicopter-borne American commandos swooped in on another **ISIS** official, known as Anas, killing him and an associate in a nearly three-hour gun battle in eastern Syria, the military said (“U.S. Commandos Capture Six ISIS Officials in Raids in Syria”, NYT, 20.12.2022);*

(20) ...*Syria's Kurdish fighters as part of the Kurdistan Workers' Party. The group has fought a bloody, decades-long insurgency against the Turkish state aimed at gaining independence or greater autonomy* ("U.S. Commandos Capture Six ISIS Officials in Raids in Syria", NYT, 20.12.2022);

(21) *Turkey, the European Union and the United States consider the insurgent group, known as the P.K.K., a terrorist organization* ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens", 20.11. 2022) etc.

Эти группы часто ассоциируются с актами насилия, терроризма и религиозного экстремизма, что может способствовать формированию стереотипов и негативного восприятия мусульман в целом.

2.2.1.2.2. Мусульманский мир как мир войны, насилия, терроризма

Наиболее частотными лексическими единицами для описания концепта мусульманского мира выступают абстрактные имена существительные *war*, *violence*, *terrorism*, семантически номинирующие войну, насилие и терроризм.

Имя существительное *war* нередко используются в контексте отображения мусульманского мира в американских СМИ, чаще получая ассоциацию с исламистскими группировками и проблемами, связанными с ними.

Для обозначения длительности и изнурительности войн, репрезентирующих мусульманский мир, авторы статей используют словосочетания *ongoing* (*continuing to exist or develop, or happening at the present moment* [Cambridge dictionary, 2024]) *war*; *forever* (*for an extremely long time or too much time* [Cambridge dictionary, 2024]) *wars* и *war* "*of undetermined (not measured, counted, or clearly known* [Cambridge dictionary, 2024]) *length*", которые указывают не только на продолжительность военных действий, но также на ее развитие и расширение. Например:

(22) *Now, nearly two decades after the rise of Al Shabab, Somalia is the most active front in the "forever wars" that the United States has been waging*

against Islamist extremists since the Sept. 11, 2001, terrorist attacks ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023);

(23) *Now the United States finds itself following Israel's lead in a **brutal war** "of undetermined length, at undetermined cost, with undetermined consequences," as Barack Obama, then a senator, described the invasion of Iraq before it began* ("America Is Losing Control", NYT, 13.11.2023);

(24) *The letter continued: "One could regard the events of Oct. 7 as just one salvo in an **ongoing war** between an occupying state and the people it occupies."* ("After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds", NYT, 09.11.2023) *etc.*

Военные действия террористической группировки *Al Shabab*, представляющей концепт мусульманского мира, описываются именем прилагательным *all-out* (*using as much effort, as many different methods, etc. as possible in order to achieve something* [Cambridge dictionary, 2024]), которое используется для описания большого количества приложенных усилий, методов и ресурсов для достижения целей. Например:

(25) *Since returning to office, he has declared an **all-out war** on Al Shabab, vowing to limit their geographical reach and cut off their money* ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023) *etc.*

Лексическая единица *all-out* имеет нейтральную коннотацию, однако, употребляясь вместе с существительным *war*, она приобретает негативную коннотацию и вербализует полномасштабную или тотальную войну, в которой две или более сторон используют все свои силы и ресурсы в борьбе друг с другом с целью достижения абсолютного господства или уничтожения другой стороны.

Мусульманский мир в американских СМИ описывается не только как мир, ведущий войны, но также мира, совершающий военные преступления. Этот факт подтверждает использование *war* с именем существительным, с

изначально имеющейся негативной коннотацией *war crime* (*crime is an action or activity that is against the law, or illegal activity generally* [Cambridge dictionary, 2024]) – нарушение законов войны, влекущее индивидуальную уголовную ответственность за действия участников боевых действий. Например:

(26) *Their letter condemned the Hamas attack as a war crime, and suggested that the other statements hid antisemitism behind “euphemisms and oblique references.”* (“After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds”, NYT, 09.11.2023) *etc.*

Словосочетание *brutal war* является еще одним примером использования двух негативно окрашенных слов, которые означают жестокую войну или безжалостную и бесчеловечную войну. Например:

(27) *Now the United States finds itself following Israel’s lead in a brutal war “of undetermined length, at undetermined cost, with undetermined consequences,”* as Barack Obama, then a senator, described the invasion of Iraq before it began (“America Is Losing Control”, NYT, 13.11.2023) *etc.*

Вследствие своего семантического потенциала имя прилагательное *brutal* (*cruel, violent, and completely without feelings* [Cambridge dictionary, 2024]), характеризующееся насилием, жестокостью и безжалостностью в отношении людей, в словосочетании *brutal war* подчеркивает зверские и бесчеловечные аспекты вооруженного конфликта.

Нередко ассоциируясь с терроризмом, в СМИ США мусульманский мир представлен образами и действиями экстремистских организаций. Данная характеристика в американском новостном дискурсе получает свою репрезентацию посредством языковых единиц с семантикой терроризма и насилия (*terrorism, violence*). Например:

(28) *Pro-Palestinian students say that they are speaking up for a marginalized, oppressed people living in Gaza. But critics say that many of the*

*slogans and protests have careered into support for terrorism and antisemitism. But critics say that many of the slogans and protests have careered into support for **terrorism** and antisemitism* ("After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds", NYT, 09.11.2023);

(29) *"I'm very preoccupied and worried about this trend of **terrorism** spreading south," President Mohamed Bazoum of Niger said in an interview in Washington last week* ("U.S. Commandos Capture Six ISIS Officials in Raids in Syria", NYT, 20.12.2022) etc.

В проанализированных контекстах для репрезентации мусульманского мира частотным является использование абстрактного имени существительного *violence* (*extremely forceful actions that are intended to hurt people or are likely to cause damage* [Cambridge dictionary, 2024]) с семантикой насилия, экстремально сильных действий, направленных на причинение вреда людям или способных нанести ущерб. Например:

(30) *The security zone walls can't keep all **violence** at bay. **Al Shabab** occasionally lobbs rounds inside, most recently on Feb. 1, when an 82-millimeter mortar slammed into a wall adjacent to the windowless, fortress-like U.S. Embassy, injuring four people* ("After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds", NYT, 09.11.2023);

(31) *Islamic State fighters, along with Qaeda cells, are gaining strength in West Africa, with the **violence** now threatening countries like Ghana, Togo and Benin* ("U.S. Commandos Capture Six ISIS Officials in Raids in Syria", NYT, 20.12.2022);

(32) *It also went on to dismay Saudi Arabia and the other Persian Gulf monarchies and Israel by supporting proxies and partners, such as the Houthi militia in Yemen, that brought **violence** right to their doorsteps* ("In U.S.-Led Iraq War, Iran Was the Big Winner", NYT, 20.03.2023);

(33) *The downing of the drone, the mainstay of the American military's aerial surveillance fleet, was another **escalation of violence** between the United States and Iran-backed groups in the region ("U.S. Strikes Iran-Linked Facility in Syria in Round of Retaliation", NYT, 08.11.2023) etc.*

Согласно Кембриджскому словарю, существительное *escalation* (*a situation in which something becomes greater or more serious* [Cambridge dictionary, 2024]) выступает единицей номинации ситуации которая становится значительнее и серьезнее. *Escalation of violence* указывает на то, что насилие между США и группировкой Хуситы усиливается, порождая больше жестокости и потерь.

2.2.1.2.3. Мусульманский мир как мир злости, жестокости и смертельной опасности

Использование имен прилагательных для создания образа ужаса и разрушения позволяет репрезентировать мусульманский мир через описания действий и совершаемых экстремистскими организациями атак. Использование имен прилагательных с семантикой злости, жестокости и смертельной опасности (*violent, vicious, deadly ect.*) является наиболее частотным. Например:

(34) *Syria's Kurdish fighters as part of the Kurdistan Workers' Party. The group has fought a **bloody**, decades-long insurgency against the Turkish state aimed at gaining independence or greater autonomy ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022).*

В контексте (35) *"Since last August, the unit, called Danab, has spearheaded a string of Somali army victories against Al Shabab, an Islamist terrorist group that is considered **the deadliest** of Al Qaeda's global branches" ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023)* смертельная опасность и неистовая жестокость террористической группировки *Al Shabab* описывается с помощью прилагательного *deadly*

(*likely to cause death* [Cambridge dictionary, 2024]) в грамматической форме превосходной степени. Это позволяет указать на то, что данная организация является самой опасной и причиняющей наибольшее количество смертей в сравнении с другими группировками и организациями.

(36) *Indeed, Al Shabab has responded with **vicious** counterattacks across the country, reclaiming some territory in a seesaw battle for control* ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023);

(37) *The assignment is considered so **dangerous** that the State Department has barred the U.S. ambassador, Larry E. André Jr., a 33-year Foreign Service veteran, from venturing into the city itself* ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023);

(38) *Turkish fighter jets carried out dozens of airstrikes in northern Syria and Iraq on Sunday, in what Turkish officials called an antiterrorism campaign to root out militants they accused of orchestrating a **deadly** bomb attack last week in Istanbul* ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022);

(39) *"The scoundrels are being held accountable for the **treacherous** attacks!"* ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022);

(40) *Four car-bombers and 10 militants wearing suicide explosives vests stormed a Danab encampment at dawn, followed by withering **heavy** gunfire from about 100 Shabab fighters in what American officials called a "**catastrophic** attack."* ("U.S. Commandos Advise Somalis in Fight Against Qaeda Branch, 27.02.2023) *etc.*

Использование имен прилагательных для создания образа ужаса и разрушения позволяет репрезентировать мусульманский мир через описания действий и совершаемых экстремистскими организациями атак. Примером служит словосочетание *catastrophic attack* из дискурсивного отрывка (40).

Используя языковую единицу с семантикой катастрофы *catastrophic* (*causing sudden and very great harm or destruction* [Cambridge dictionary, 2024]), автор статьи дает оценку действиям террористов, делая акцент на то, что совершенные ими атаки являются неожиданными и влекущими большие разрушения, вред и потери. Кроме того, прилагательное *heavy* (*of very or especially great force, amount, or degree* [Cambridge dictionary, 2024]) в словосочетании *heavy gunfire* описывает интенсивность и мощность стрельбы, указывая на большое количество выстрелов, сильное оружейное огневое воздействие или наличие крупнокалиберного оружия. В анализируемом дискурсивном контексте данным словосочетанием описывается интенсивная перестрелка с сильным огненным потоком, исходящая от террористов.

Группировка Хамас сравнивается с раковой опухолью региона (*cancer is a serious disease that is caused when cells in the body grow in a way that is uncontrolled and not normal, killing normal cells and often causing death* [Cambridge dictionary, 2024]) в статье, посвященной обсуждению военной ситуации между Палестиной и Израилем, (41) “*For starters, it’s imperative that Israel freeze settlements and rein in **violent** settlers, for **they are a cancer on the region**”* (“We Cannot Kill Our Way Out of This Endeavor”, NYT, 11.11.2023). Данная метафора позволяет акцентировать идею о том, что террористические группировки рассматриваются как опасное и разрушительное явление, подобное распространению раковых клеток в организме, которые разрастаются неконтролируемым и ненормальным образом, несут смерть. Выражение *a cancer on the region* подчеркивает отрицательные последствия и угрозу, которую эти группировки представляют для региона или общества в целом.

2.2.1.2.4. Мусульманский мир как мир взрыва и нападения

В СМИ США мусульманский мир приобретает образ стремительной, разрушительной силы и получает репрезентацию целым рядом языковых единиц. Основными единицами выступают имена существительные с семантикой взрыва и нападения (*bomb, rocket, attack*). Например:

(42) *Turkish fighter jets carried out dozens of airstrikes in northern Syria and Iraq on Sunday, in what Turkish officials called an antiterrorism campaign to root out militants they accused of orchestrating a **deadly bomb attack** last week in Istanbul* ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022);

(43) *After a **bombing** last week that killed six people and wounded dozens on a busy pedestrian avenue in Istanbul, the Turkish authorities released photos of a woman who they said had planted **the bomb** and accused her of working for the P.K.K.* ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022);

(44) *After a year of meticulous planning, they arrived in Tel Aviv on Saturday morning – just hours after militants from Gaza launched a deadly incursion and fired **thousands of rockets** into Israel* ("Death Toll Rises as Families Search for News of Missing", NYT, 08.10.2023);

(45) *Hundreds of people fled an all-night outdoor music festival early Saturday morning that was being held in the Negev Desert in southern Israel to try to escape incoming **rockets** and gunfire from Palestinian militants, according to Israeli news outlets* ("Air-Raid Sirens in Israel Warn of Continued Strikes on Sunday", NYT, 07.10.2023);

(46) *The S.D.F. did not immediately comment on **the rocket attack*** ("Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens" NYT, 20.11.2022) *etc.*

В дискурсивном контексте (43) о бомбардировке в Стамбуле использования существительных *bomb*, *bombing*, имеющих семантику оружия, которое, взрываясь, убивает и ранит большое количество людей, а также разрушает здания (*bomb – a weapon that explodes and is used to kill or hurt people or to damage buildings* [Cambridge dictionary, 2024]) указывает на смертоносность данного вида оружия.

Смертоносность вторжения военных из Газы в примере (44) подтверждается использованием существительного *rocket*, выступающим средством номинации оружия, движущегося с большой скоростью *rocket (a large cylinder-shaped object that moves very fast by forcing out burning gases, used for space travel or as a weapon* [Cambridge dictionary, 2024])). Кроме того, масштабность данного факта вербализируется посредством использования обобщающего существительного *thousands*, гиперболизирующего количество выпущенных ракет.

Языковые единицы *bomb* и *rocket*, семантически указывающие на взрывчатое оружие, позволяют представить мусульманский мир в образе терроризма, который, подобно бомбам и ракетам, приводит к смерти и разрухе в непосредственном месте и радиусе взрыва.

Частое использование в новостном дискурсе Америки языковой единицы *attack (a violent act intended to hurt or damage someone or something* [Cambridge dictionary, 2024]) характеризует мусульманский мир как агрессора и используется для описания насильственного нападения или акта насилия, совершаемого террористическими группировками. Например:

(47) *For the second time in just over a week, U.S. Special Operations forces carried out helicopter raids against the Islamic State in eastern Syria, capturing six operatives including a senior official who the military said was involved in plotting and enabling **terrorist attacks*** ("U.S. Commandos Capture Six ISIS Officials in Raids in Syria", NYT, 20.12.2022);

(48) “*In the first days after the **Hamas attacks**, Mr. Biden drew praise for his unreserved support for Israel, describing the wave of killings as “an act of sheer evil” and vowing to ensure that Israelis “have what they need to respond” to **the worst attack on Jews since the Holocaust**” (“Biden’s Support for Israel Now Comes With Words of Caution”, NYT, 30.10.2023) etc.*

Использование данной единицы в дискурсе (47) об антитеррористическом рейде США против группировки «Исламское государство» на востоке Сирии, позволяет указать на их множественность и вовлеченность в подготовку и организацию атак.

В контексте (48) действия группировки *Hamas*, являющейся частью мусульманского мира, описываются через фразу *the wave of killing*, сказанную Президентом США, означающую период или последовательность насильственных убийств, ведущее к большим потерям, подчеркивающее масштаб и интенсивность насилия. Выражение *an act of sheer evil* («акт абсолютного зла») означает, что совершенное действие является полностью злобным. В данном контексте существительное *sheer* (*used to emphasize how very great, important, or powerful a quality or feeling is* [Cambridge dictionary, 2024]) используется с целью подчеркнуть степень злодеяния, аморальности и жестокости. Используя имя прилагательное *bad* в превосходной степени сравнения в контексте описания совершаемых группировкой Хамас, автор статьи одновременно акцентирует как ужас действительности, так и своё отношение к происходящему. Мусульманский мир в образе терроризма своей бессердечностью, кровожадностью и беспощадностью сопоставляется с холокостом (*the worst attack on Jews since the Holocaust*), актами невиданной жестокости нацистов по отношению к еврейскому народу.

Таким образом, мусульманский мир, характеризующийся как мир терроризма, репрезентируется в современном американском новостном

дискурсе как масштабная смертоносная сила, которая, подобно взрывному оружию, является причиной больших разрушений и потерь.

2.2.1.2.5. Мусульманский мир как мир насилия и убийства

Жестокие действия и акты насилия, репрезентирующие мусульманский мир, представлены синонимичными глаголами, имеющими семантическое значение убийства (*to kill, to slaughtered, to murder*), а также глаголами, вербализующими намеренное нанесение физических увечий (*to wound, to rape, to kidnap*).

Наиболее частотными в новостных статьях, посвященных военным действиям и конфликтам на Ближнем Востоке, выступают глаголы *to wound* (a damaged area of the body, such as a cut or hole in the skin or flesh made by a weapon [Cambridge dictionary, 2024]) и *to kill* (to cause someone or something to die [Cambridge dictionary, 2024]), семантически обозначающие ранения, нанесенные оружием, и убийства. Например:

(49) *Israeli authorities said two Palestinian gunmen opened fire near a bus stop on the outskirts of Jerusalem in an attack that also **wounded** six others.* (“Blinken Says Hamas Is Responsible for Resumption of Fighting”, NYT, 01.12.2023);

(50) *After a bombing last week that **killed** six people and **wounded** dozens on a busy pedestrian avenue in Istanbul, the Turkish authorities released photos of a woman who they said had planted the bomb and accused her of working for the P.K.K.* (“Turkey Bombs Kurdish Foes in Iraq and Syria, Likely Killing Dozens” NYT, 20.11.2022);

(51) *A switch has flipped on American college campuses since Oct. 7, when Hamas **killed** more than 1,400 people in Israel* (“After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds”, NYT, 09.11.2023) *etc.*

Террористы также обвиняются в таких аморальных и варварских действиях как насилие и похищение людей, актуализированных глаголами *to kidnap* и *to rape*.

(52) *But when it came to the Hamas attack, he said, “nothing could be more beside the point: No one is inevitably forced to **kidnap** babies, or massacre wheelchair-bound revelers at a rave.”* (“After Antisemitic Attacks, Colleges Debate What Kind of Speech Is Out of Bounds”, NYT, 09.11.2023);

(53) *Unit of the Israeli police, has said that “dozens” of women and some men **were raped** by Hamas militants on Oct. 7.* (“What We Know About Sexual Violence During the Oct. 7 Attacks on Israel”, NYT, 04.12.2023) *etc.*

Глагол *to kidnap* (*to take a person away illegally by force, usually in order to demand money in exchange for releasing them* [Cambridge dictionary, 2024]) семантически фиксирует похищение людей с применением силы для дальнейшего шантажа и получения выкупа. В дискурсивном фрагменте (52) террористическая организация Хамас обвиняется в похищении детей до года, которые еще не научились ходить и говорить. Упоминание детей в статье может расцениваться как метод усиления жалости и сострадания к жертвам и увеличения ненависти аудитории по отношению к террористическим действиям.

В проанализированных статьях также встречается обвинение исламистов в насильственных действиях, вербализируемое глаголом *to rape* (*to force someone to have sex when they are unwilling, using violence or threatening behaviour* [Cambridge dictionary, 2024]). В контексте (53) речь идет о том, что представители группировки Хамас, используя физическую силу, принуждают к интимной близости десятки женщин и нескольких мужчин.

Однако, стоит отметить, что жестокие действия террористов также описываются глаголами с высокой оценочной семантикой: *to murder*, *to massacre*, *to slaughter*. Например:

(54) *After his release from prison in 2020, Mr. Rajabpour-Miyandoab was also in touch with the man who later **murdered** Samuel Paty, a French history teacher. ("Paris Attack Suspect Pledged Allegiance to ISIS, Prosecutor Says", NYT, 03.12.2023);*

(55) *Three days after Hamas terrorists **slaughtered** more than 1,400 people, President Biden offered Prime Minister Benjamin Netanyahu support in the wake of the vow by Israel's leader to "avenge this black day" and to turn Hamas hide-outs "into a ruin" from the air and on the ground. ("Biden's Support for Israel Now Comes With Words of Caution", NYT, 30.10.2023).*

В дискурсивном контексте (54) за счет использования глагола *to murder* (*to commit the crime of intentionally killing a person* [Cambridge dictionary, 2024]) актуализируется намеренное убийство человека, совершенное сторонником радикального исламизма.

To massacre (*an act of killing a lot of people* [Cambridge dictionary, 2024]), семантически фиксирует акт убийства большого количество людей. В примере (52) приводится цитата старшего раввина, который заостряет внимание на том, что жертвами массового убийства стали люди, прикованные к инвалидному креслу, что придает действиям террористов большую степень аморальности.

В примере (55) глагол *to slaughter* (*the killing of many people cruelly and unfairly, especially in a war* [Cambridge dictionary, 2024]) вербализирует жестокое и несправедливое убийство большого количества людей преимущественно в военное время. Приведенная языковая единица, прямым денотативным значением которой выступает действие забоя скота (*slaughter* (*the killing of animals for meat* [Cambridge dictionary, 2024])), позволяет описать действия террористов как акт бесчеловечия. Транслируемый смысл усиливается за счет упоминания количества убитых, что гиперболизировано использованием конструкции *more than*.

Таким образом, частотное использование синонимичных глаголов с семантикой убийства и намеренного причинения физического вреда здоровью репрезентирует образную характеристику жестоких актов насилия и убийств.

2.2.2. Мусульманский мир в мире спорта

Мусульманский мир, объединяющий около 1,8 миллиардов человек, обладает богатым спортивным наследием, играющим важную роль в жизни общества. Спорт не только способствует физическому развитию, но и служит инструментом духовного роста, а также источником национальной гордости.

Такие исламские ценности, как уважение к сопернику, честная игра и забота о здоровье оказывают существенное влияние на подход мусульман к спорту. Религия поощряет физическую активность, считая ее ключом к здоровому телу и духу.

В современном спортивном мире мусульманский мир представлен многими странами, включая Иран, Саудовскую Аравию, Египет, Турцию и другие. Эти страны активно участвуют в международных спортивных мероприятиях, включая Олимпийские игры, чемпионаты мира по футболу и другие. Спортсмены из этих государств добиваются значительных успехов, прославляя свои страны на мировой арене. Болельщики из мусульманского мира с энтузиазмом поддерживают своих атлетов, создавая на соревнованиях особую атмосферу, часто связанную с традиционными обычаями и культурой.

Стоит отметить, что возможности для занятий спортом у женщин в мусульманских странах ограничены по сравнению с мужчинами, особенно на профессиональном уровне. Однако в этой области есть изменения, и в последние годы прослеживается тенденция развития спорта среди женского населения.

Несмотря на достижения в ряде видов спорта, мусульманский мир сталкивается с проблемами, препятствующими его дальнейшему развитию. К ним относятся недостаток инфраструктуры и ресурсов, а также влияние

политических и религиозных факторов на возможность заниматься некоторыми видами спорта (например, футбол, теннис и т.д.).

Тем не менее, мусульманский мир продолжает активно развивать спорт и участвовать в международных соревнованиях. Успехи молодых атлетов из этих стран на международной арене свидетельствуют о большом потенциале и возможностях мусульманского мира в спортивной сфере.

В силу своей культурной специфичности мусульманский мир играет значимую роль в современном спорте, стимулируя физическое и культурное разнообразие, а также обогащая спортивную арену своими традициями, ценностями и активным участием в международных соревнованиях.

2.2.2.1. Мусульманский мир как активно развивающийся мир высоких достижений в спорте

В связи с развитием спортивной культуры в мусульманских странах разнообразие популярных видов спорта расширяется, а мусульмане-спортсмены показывают блестящие достижения на мировой арене. Особо любимыми и активно развивающимися видами спорта являются теннис, гольф и крикет. В новостном американском дискурсе концепт активно развивающегося мира и высоких достижений в спорте получает свою репрезентацию в контекстах о значимых мировых событиях и международных турнирах и соревнованиях и транслируется через использование существительных лексико-грамматической группы виды спорта (*cricket, tennis, golf, football etc.*), и имен существительных, выступающих названиями спортивных мероприятий (*ICC Cricket World Cup, Cricket World Cup, T20 World Cup, "6 Kings Slam" etc.*). Например:

(56) *Needless to say, playing conditions have been dramatically improved ahead of Oman's T20 World Cup opener against Papua New Guinea at the Al-Amerat Cricket Stadium, located 18 kilometers outside the capital of Muscat.*

(“Oman ready to savor ‘one in a million’ opportunity as host of cricket’s T20 World Cup”, CNN, 16.10.2021);

(57) *Novak Djokovic, Rafael Nadal, Daniil Medvedev, Carlos Alcaraz and Jannik Sinner are all due to compete in a new **tennis** tournament, the “6 Kings Slam,” in the Saudi capital Riyadh in October, according to the Saudi press agency. (“ATP Tour partners with Saudi Arabia’s Public Investment Fund as country continues to invest in sport”, CNN 29.02.2024);*

(58) *When a Saudi-backed upstart **golf** league began recruiting high-profile players from the top U.S. circuit, the American tour’s commissioner lamented a “foreign monarchy that is spending billions of dollars in an attempt to buy the game of **golf**.” (“Saudi Arabia Relishes a Triumph That Transcends Sports”, NYT, 07.06.2023);*

(59) *Millions of **cricket** fans celebrated their beloved team’s win on Wednesday – and Shami has been singled out as a bowling sensation who could lead them to victory in the final. (“Once the subject of online abuse, Indian bowler Mohammed Shami is celebrated ahead of Cricket World Cup final”, CNN, 17.11.2023);*

(60) *The tournament returns to **Royal Greens Golf & Country Club** in King Abdullah Economic City this Thursday after it made history last year as the first professional women’s sporting event to be staged in Saudi Arabia. (“Stars return to Saudi Arabia as women’s golf battles for equality”, CNN, 03.11.2021) etc.*

В новостных статьях американских новостных изданий мусульманский мир представлен именами собственными, номинирующими имена знаменитых атлетов (*Cristiano Ronaldo, Khalid Eisa, Ayman Yahya etc*), а также названия сборных и клубов (*Al-Hilal, Al Ain, Al-Nassr etc*). Например:

(61) ***Al-Hilal**, looking for a fifth Asian title, will next play **Al Ain** in the Champions League semifinals after the Emirati side knocked **Cristiano Ronaldo’s***

Al-Nassr out of the competition on Monday. (“Saudi Arabia’s Al-Hilal sets record for most consecutive wins in men’s soccer”, CNN, 13.03.2024);

(62) *Jabeur, a trailblazer for North African women’s tennis, won 7-5 6-4 to finally claim a title after losing two previous finals.* (“Ons Jabeur becomes first Arab woman to win a WTA title”, CNN, 21.06.2021);

(63) *Al-Nassr, however, got one back right on the stroke of halftime when Al Ain goalkeeper Khalid Eisa found himself stranded outside the box, allowing Sadio Mané to pass to Abdulrahman Ghareeb for a simple finish.* (“Al-Nassr knocked out of the AFC Champions League by Al Ain after Cristiano Ronaldo’s costly miss”, 12.03.2024);

(64) *Flanked by Hakim Ziyech and Achraf Hakimi, the Atlas Lions played valiantly to win their Group F stage, only conceding one goal during three matches.* (“The day the football gods reversed the tide of history”, CNN, 08.12.2022);

(65) *As the game went to extra-time, the home side was dealt a double blow when Ayman Yahya was sent off for a reckless challenge before Sultan Al-Shamsi made it 4-3 on aggregate, tapping into the net after Raghed Al-Najjar’s save miraculously bounced off the crossbar and into his path.* (“Al-Nassr knocked out of the AFC Champions League by Al Ain after Cristiano Ronaldo’s costly miss”, CNN, 12.03.2024) etc.

Концепт высоких достижений и побед мусульманского мира на международной арене спорта реализуется с помощью лексических единиц с семантикой победы (*to defeat, to win, a victory etc*). Например:

(66) *The pantheon of great sporting upsets gained another monument on Sunday as Afghanistan roundly defeated England by 69 runs at the ICC Cricket World Cup in Delhi, India.* (“Afghanistan stuns England in one of the biggest ever sporting upsets”, CNN, 15.10.2023);

(67) *It was an upset of immense proportions – Afghanistan had only ever won one World Cup match in its entire history while England is the defending world champion, still basking in the glow of a golden era that has bestowed mythical status on much of its team.* (“Afghanistan stuns England in one of the biggest ever sporting upsets”, CNN, 15.10.2023);

(68) *“Everyone at Al Hilal is delighted to achieve world football history by winning 28 consecutive matches,” said manager Jorge Jesus. “This is truly an incredible achievement and I want to thank everyone at the club for their part in this momentous winning record.”* (“Saudi Arabia’s Al-Hilal sets record for most consecutive wins in men’s soccer”, CNN, 13.03.2024);

(69) *Saudi Arabian club Al-Hilal set the world record for the most consecutive victories in men’s soccer on Tuesday, defeating Al-Ittihad 2-0 in the AFC Champions League* (“Saudi Arabia’s Al-Hilal sets record for most consecutive wins in men’s soccer”, CNN, 13.03.2024) *etc.*

Употребление имен собственных, выступающих наименованиями спортивных мероприятий международного уровня, позволяет указать на то, что на международной спортивной арене мусульманский мир представлен как равноправный спортивный партнер. Так, в примере 66 указание на чемпионат мира по крикету фиксирует такую характеристику, как успех мусульманского мира в таком виде спорта, как крикет. Сокрушительная победа сборной Афганистана на чемпионате мира по крикету, обернувшаяся полным разгромом сборной Англии, вербализуется глаголом *defeat*, семантически указывающим на одержанную победу в поединке или соревновании (*to win against someone in a fight or competition* [Cambridge dictionary, 2024]), значение которого усиливается наречием *roundly*, семантика которого подчеркивает тотальность разгрома (*If you are roundly defeated, you are defeated completely* [Collins, 2024]). Для описания сенсационной победы сборной Афганистана в примере 67 используется метафора *an upset of*

immense proportions, семантически номинирующая потрясения огромных масштабов. В свою очередь, утверждение *had only ever won one World Cup match in its entire history* подчеркивает редкость побед Афганистана в чемпионате мира по крикету.

Американский новостной дискурс также освещает факт массового интереса к спорту среди населения мусульманских стран в международных спортивных соревнованиях и их глубокую увлеченность спортом. Так, в дискурсивном фрагменте 59, посвященном празднованию победы мусульманских спортсменов в международном чемпионате, упоминается также о масштабности и эмоциональности реакции болельщиков. Это вербализуется посредством использования обобщающего существительного *millions*, гиперболизирующего количество фанатов крикета среди мусульманского населения планеты.

Футбол занимает доминирующее положение в спортивной сфере мусульманского мира. Данное утверждение подкрепляется не только всеобщей любовью к этой игре, но и значительным объемом новостных статей, посвященных ей. Концепт мусульманского мира в мире футбола репрезентируется через языковые единицы, семантически указывающие на названия футбольных клубов (*Al-Hilal, Al Ain, Al-Nassr*), а также имена спортсменов (*Khalid Eisa, Cristiano Ronaldo, Abdulrahman Ghareeb, Ali Daei etc*). Кроме того, в контексте новостных статей о прошедших футбольных матчах прослеживается концепт победы, средствами номинации которого выступают лексические единицы *victory*, семантически номинирующее победу в поединке или соревновании (*a win in a fight or competition* [Cambridge dictionary, 2024]), *to win*, вербализирующее наибольшее количество очков в соревновании или игре, или наибольшее количество голосов на выборах (*to get the most points in a competition or game, or the most votes in an election* [Cambridge dictionary, 2024]). Стоит отметить, что

спортсмены из мусульманских стран не только занимают призовые места на международных соревнованиях по футболу, но также показывают высокие результаты и устанавливают мировые рекорды. В примере 68 фраза "*Everyone at Al Hilal is delighted to achieve world football history by winning 28 consecutive matches*" получает вербальную репрезентацию выдающегося достижения футбольного клуба *Al Hilal* из Саудовской Аравии, которое стало мировым рекордом. Использование прилагательных *incredible* с семантикой чего-либо невероятности, в что сложно поверить (*impossible, or very difficult, to believe* [Cambridge dictionary, 2024]), и *momentous*, семантически номинирующее нечто важное особенно в контексте предстоящих событий (*very important, esp. because of the effects on future events* [Cambridge dictionary, 2024]) подчеркивает неординарность и масштабность победы *Al Hilal*.

Таким образом, в новостном дискурсе США в контексте спортивных событий мусульманский мир представлен как мир, активно занимающийся различными видами спорта и способный к конкуренции и достижению высоких результатов на мировой спортивной арене.

2.2.2.2. Мусульманский мир как мир, активно инвестирующий в развитие спорта

В последние годы наблюдается рост влияния мусульманских стран на мировую спортивную индустрию. Это выражается не только в достижениях атлетов, но и в активной роли, которую играют правительства этих стран в качестве спонсоров и организаторов престижных международных соревнований. Анализ американских новостных сообщений, освещающих участие мусульманских стран в спорте, выявляет несколько ключевых концептов, репрезентирующих данную тему. Концепт финансовой мощи мусульманского мира представлен в американских СМИ путем использования числительных для обозначения крупных инвестиций и преобладания лексики, преимущественно используемой в экономической

сфере (*to bankroll, to spend, to buy, a transfer window, sovereign wealth fund, assets, to splurge, a bid, a salary etc*). Например:

(70) *The PIF is the world's sixth largest **sovereign wealth fund** with **assets of \$776 billion**, according to the **Sovereign Wealth Fund Institute**. (“ATP Tour partners with Saudi Arabia’s Public Investment Fund as country continues to invest in sport”, CNN 29.02.2024);*

(71) *When Saudi Arabian club Al-Hilal reportedly planned a **\$1.1 billion bid** to sign French soccer superstar Kylian Mbappé – including **\$332 million** to his club, Paris Saint-Germain (PSG), and an **eye-watering \$775 million salary packet** to the World Cup winner for just one year – it was slammed by critics as sportswashing. (“Saudi Arabia is trying to disrupt soccer’s world order. The reasons why might surprise you”, CNN, 24.11.2023) etc.*

Концепт стратегического инвестирования репрезентируется глаголами, вербализующими семантику вклада, предложения, планирования и предложения (*to bankroll, attract, to plan*), лексическими единицами, номинирующими заработную плату и денежный приз (*big dollar prize money, salary, to earn, etc*), а также упоминанием в новостных статьях фактов привлечения и покупки именитых спортсменов, которое демонстрируется с помощью использования имен собственных самих спортсменов (*Jordan Henderson, Cristiano Ronaldo*) и лексем с семантикой элитности (*top players, elite international players, big-ticket players, etc*). Например:

(72) *In 2021, the PIF **bankrolled** LIV Golf, reportedly at a cost of \$2 billion, **attracting many of the sport’s top players away from the US-based PGA Tour and Europe-based DP World Tour by offering big dollar prize money**. (“ATP Tour partners with Saudi Arabia’s Public Investment Fund as country continues to invest in sport”, CNN 29.02.2024);*

(73) *Meanwhile, four PIF-owned soccer teams – Al-Ittihad, Al-Hilal, Al-Nassr and Al-Ahli – spent nearly \$900 million (€835.1 million) last year on*

buying elite international players as the European summer transfer window closed, according to Transfermarkt data. (“ATP Tour partners with Saudi Arabia’s Public Investment Fund as country continues to invest in sport”, CNN 29.02.2024);

*(74) Saudi clubs not owned by **the PIF are also splurging on big-ticket players**, with former Liverpool captain **Jordan Henderson**, 33, **offered an eye-watering salary** of \$870,000 (£700,000) per week, according to multiple reports, in an estimated \$15 million (£12 million) transfer from Liverpool to Saudi team *Al-Ettifaq*. (“Saudi Arabia is trying to disrupt soccer’s world order. The reasons why might surprise you”, CNN, 24.11.2023);*

*(75) The newly acquired players join five-time Ballon d’Or winner **Cristiano Ronaldo**, who has a two-year contract with *Al-Nassr* where he will earn a staggering estimated \$200 million a year, according to Saudi state-owned media, currently making him **the world’s highest paid soccer player**. (“Saudi Arabia is trying to disrupt soccer’s world order. The reasons why might surprise you”, CNN, 24.11.2023) etc.*

В новостных изданиях США широкое освещение получается деятельность Саудовской Аравии в развитии спорта. В статьях используются финансовые показатели (*million, billion, the world’s sixth largest sovereign wealth fund*), подчеркивающие значительные финансовые ресурсы, которыми располагают Суверенный фонд Саудовской Аравии (PIF) и саудовские клубы. Это укрепляет представление о мусульманском мире (в данном случае о Саудовской Аравии) как о богатом и влиятельном игроке на мировой арене спорта. Цифры и финансовые показатели служат ключевым инструментом для создания имиджа огромной финансовой мощи стран мусульманского мира.

Такие глаголы, как *to bankroll, to attract, to plan* указывают на продуманный подход саудовских компаний к теме развития спорта. Они также используются для репрезентации их как активных и напористых в

своем стремлении к влиянию конкурентов в международном мире спорта. Ориентация на известные лиги (*LIV Golf*) и звездных спортсменов (*Kylian Mbappé, Jordan Henderson, Cristiano Ronaldo*) предполагает стратегические инвестиции в спорт с целью получения потенциальной экономической или политической выгоды. Кроме того, использование таких выражений, как *the sport's top players, elite international players, superstar, big-ticket players, the world's highest paid soccer player* по отношению к известным атлетам подчеркивает важность крупных приобретений и стремление Саудовской Аравии увеличению своего престижа на мировой спортивной арене.

Однако прямое упоминание термина *sportswashing* с семантикой поддержки и проведения спортивных мероприятий для повышения своей репутации (*the practice of an organization, a government, a country, etc. supporting sport or organizing sports events as a way to improve its reputation* [Cambridge dictionary, 2024]) в дискурсивном отрывке 71 свидетельствует о критическом отношении к этим инвестициям. Возникает подозрение, что финансовая поддержка Саудовской Аравии мотивирована попыткой улучшить свой имидж с помощью спорта, а не исключительно страстью к спортивным соревнованиям.

Таким образом, в американских СМИ мусульманский мир репрезентирован как финансово влиятельный и амбициозный игрок в спортивной индустрии, потенциально стремящийся использовать свое богатство в стратегических целях. Тем не менее, упоминание о спекуляции спортом отражает критическую точку зрения, которая ставит под сомнение мотивы, стоящие за этими инвестициями.

2.2.2.3. Мусульманский мир как мир развивающегося женского спорта

В последние годы мусульманские страны демонстрируют динамичный рост женского спорта. Американские новостные медиа также отражают эту

тенденцию, освещая концепции преодоления гендерных барьеров, прогресса в женском спорте и личных достижений спортсменок. Данные значимые для мусульманского мира факты находят отражение в дискурсивном поле описании историй отдельных спортсменок, лексических единиц, семантически номинирующих важные исторические достижения, прорыв (*made history, historic day, opened doors*). Например:

(76) *The tournament returns to Royal Greens Golf & Country Club in King Abdullah Economic City this Thursday after it **made history** last year as the first professional women’s sporting event to be staged in Saudi Arabia.* (“Stars return to Saudi Arabia as women’s golf battles for equality”, CNN, 03.11.2021);

(77) *It was a **historic day** for Saudi Arabia as the women’s national football team played, and **won**, its first official international match on Sunday.* (“Saudi Arabia claims victory in its first ever women’s international match”, CNN, 21.02.2022);

(78) *These Muslim women **have made history** in their respective competitions and **opened doors** for a new generation of athletes.* (“I’m not a model. I’m an athlete and people should focus more on my athleticism rather than my clothes”, CNN, 21.03.2023) *etc.*

Концепт первенства и высоких достижений в спорте транслируется посредством использования глаголов с семантикой борьбы и победы (*to win, to beat*) и лексических единиц с семантикой значимости и исключительности (*the firsts, the only, the world’s top rated*). Например:

(79) *Tunisia’s Ons Jabeur made history on Sunday when she became **the first Arab woman to win** a WTA title, **beating** Russian Daria Kasatkina in the final of the grasscourt event in Birmingham.* (“Ons Jabeur becomes first Arab woman to win a WTA title”, CNN, 21.06.2021);

(80) *As one of the few women at her gym in Riyadh, Saudi Arabia – and **the only woman** hopeful of fighting at an elite level – Alsaif had little choice but to*

train with and against her male counterparts when she first took up martial arts. (“When I fight, I can feel my soul alive,” says Hattan Alsaif, Saudi Arabia’s groundbreaking MMA star”, CNN, 11.05.2024);

*(81) The 22-year-old had already made history in MMA, even before her atomweight bout against Egypt’s Nada Faheem on Friday, which she **won** by knock out in the second round. (“When I fight, I can feel my soul alive,” says Hattan Alsaif, Saudi Arabia’s groundbreaking MMA star”, CNN, 11.05.2024);*

*(82) Affectionately referred to as “the Sultans of the Net,” the team **won** the Volleyball Nations League championship in July in Arlington, Texas, and became **the world’s top rated** women’s national team, according to FIVB, the sport’s international governing body. (“Amid Struggles, Turkey Finds Heroes in Its Women’s Volleyball Team”, NYT, 03.09.2023) etc.*

Словосочетания, в состав которых входят порядковые числительные с семантикой первенства *the first professional women’s sporting event* и имя прилагательное *historic (important or likely to be important in history [Cambridge dictionary, 2024])*, указывающие на переломную веху в жизни страны, подчеркивают достижения мусульманских спортсменок, которые опровергают ожидания и прокладывают путь для будущих поколений. Концептуальный смысл мусульманского мира как мира развивающегося женского спорта наиболее частотно получается свою репрезентацию с помощью словосочетаний исключительной исторической значимости *to make history (to do something important that has not been done before and will be recorded publicly and remembered for a long time [Cambridge dictionary, 2024])* (примеры 76, 78, 79, 81) еще больше повышает значимость прорывов, означая изменение представлений об участии женщин-мусульманок в спорте и привлекая внимание аудитории к выдающемуся характеру их достижений.

В новостях отмечается прогресс в области женского спорта в странах с мусульманским большинством. Проведение женского турнира по гольфу

(пример 76) и победа национальной женской футбольной команды (пример 77) служат примером этого прогресса, свидетельствуя о более широкой тенденции к расширению возможностей для спортсменок-мусульманок.

В статьях отмечаются достижения отдельных спортсменок, таких как Джабер и Алсаиф. Их победы на мировой арене демонстрируют талант и потенциал мусульманских женщин в спорте, освещая их спортивное мастерство на глобальной арене. Акцент на достижениях женщин мусульманского мира свидетельствует о потенциальном сдвиге в области женского спорта.

Таким образом, в американском новостном дискурсе мусульманский мир в спорте представлен с позитивным акцентом. В новостных статьях подчеркиваются высокие достижения спортсменов, инвестирование в развитие спорта и прогресс в женском спорте. Данные концепты представляют мусульманский мир как потенциального и сильного конкурента на мировой арене спорта.

2.2.3. Мусульманский мир как мир для туризма

Страны Персидского залива (в особенности Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Катар) в последние годы становятся все более популярными туристическими направлениями. Эти страны предлагают уникальные достопримечательности для посетителей: от оживленных городов и роскошных курортов до исторических памятников и потрясающих природных пейзажей.

2.2.3.1. Мусульманский мир как мир природной красоты, исторического и культурного наследия

В новостных статьях американских изданий концепт мусульманского мира как мира богатого исторического и культурного наследия демонстрируется через использование прилагательных, описывающих время

(*historic, ancient etc.*), числительных времени (*thousands of years*) и упоминания объектов, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

(83) *This living museum is best known for **historic** dwellings dating back **thousands of years**, dramatic rock formations and some of Saudi's most spectacular scenery.* (“The best things to experience in Saudi Arabia according to the people who know it”, CNN, 31.01.2024);

(84) *A highlight of any visit to Saudi's second-largest city is a wander through the winding alleys of its **historic** Al Balad district, where **ancient coral stone** and wooden buildings come with **fascinating stories**.* “The beauty of the old town is that it is almost **stuck in time** and **tells the story of Jeddah** as a port city – a true melting pot, as so many people making the pilgrimage to Hajj stopped and made a life and a home there,” says Eldib. (“The best things to experience in Saudi Arabia according to the people who know it”, CNN, 31.01.2024);

(85) *The Al-Balad area was inscribed to **the UNESCO World Heritage list** in 2014 as **Historic Jeddah, the Gate to Mecca**.* (“Al-Balad: Where Saudi Arabia's tourism industry began”, CNN, 18.04.2023);

(86) *Considered to be the birthplace of the nation, **Diriyah** is the **ancestral seat of the Al Saud dynasty** and home to **the UNESCO World Heritage Site of At-Turaif**, the site of the First Saudi State, established in 1727.* (“Diriyah: The latest ‘giga project’ aiming to transform Saudi Arabia”, CNN, 22.02.2023) *etc.*

Помимо этого, авторы статей подчеркивают природную красоту и ландшафтное разнообразие мусульманского мира. Для этого используются описательные прилагательные с положительной коннотацией с семантикой таких оценочных характеристик, как захватывающий, завораживающий, чудесный, невероятный (*spectacular, fascinating, wonderful, incredible etc.*), существительные, обозначающие географические объекты (*rock formations, coral stone, desert sand dunes, mountains, volcanic lava field, red sandstone*

deserts, granite ranges etc.) и топонимы (*Al Balad, Jeddah, Unaizah, Tuwaiq Mountains, Jabal Al-Lawz etc.*). Например:

(87) *Saudi aerospace engineer Mishaal Ashemimry, says she is still in awe of the wonderful desert sand dunes around Unaizah, a small city northwest of capital Riyadh, which she credits for inspiring her passion for space when she was six. (“The best things to experience in Saudi Arabia according to the people who know it”, CNN, 31.01.2024);*

(88) *About an hour’s drive from the capital, hikers can easily reach the sandstone escarpment of the Tuwaiq Mountains where there are numerous clifftop viewpoints, including one dubbed “Edge of the World”. (““Wild, beautiful, untrodden:’ The epic hiking trails emerging in Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);*

(89) *Hoffler is based in the Hejaz mountains – which he says is “one of the most fabled ranges of Arabia” – the long chain that runs from midway up the Red Sea coast north to the Gulf of Aqaba and Jordan. The highest point is Jabal Al-Lawz in the far north at more than 2,500 meters above sea level and one of the only places in Saudi Arabia to receive regular snowfall. (““Wild, beautiful, untrodden:’ The epic hiking trails emerging in Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);*

(90) *“It’s also incredibly diverse, you get everything from jet black volcanic lava fields to red sandstone deserts like you might see in Wadi Rum (in Jordan), to high granite ranges like you’d see in the Sinai (in Egypt), to green forested rolling mountains in the south. (““Wild, beautiful, untrodden:’ The epic hiking trails emerging in Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);*

(91) *So in Saudi (Arabia), the project in Diriyah is incredible. They have taken an old Saud family castle and rebuilt it and it now has literally hundreds of thousands of visitors. So it’s happening everywhere. (“Why Middle East travel is growing faster ‘than any other region’”, CNN, 16.05.2024);*

(92) *Qatar already has other places to stay in its epic sea of sand. The Hilton Salwa Resort, one of the largest resort complexes in the Middle East,*

appeared in 2021, complete with its own theme park, on a remote shoreline close to the border with Saudi Arabia. (“There’s a luxury campsite in the middle of the Qatar desert. Here’s what it’s like”, CNN, 14.03.2024) *etc.*

Американские новостные статьи нередко позиционируют мусульманский мир как хранилище богатой истории и культуры. Это достигается путем использования прилагательных, описывающих время *historic* important or likely to be important in history [Cambridge dictionary, 2024]), *ancient* (of or from a long time ago, having lasted for a very long time [Cambridge dictionary, 2024]), и тем самым подчеркивающих давнюю историю и непреходящую ценность культурных объектов. Включение объектов Саудовской Аравии в список Всемирного наследия ЮНЕСКО придает им статус международного признания и культурной ценности.

Помимо исторического наследия в американском новостном дискурсе также подчеркивается природная красота и ландшафтное разнообразие мусульманского мира. Для этого используются описательные прилагательные, семантически номинирующие привлекательность и невероятность *spectacular* (very exciting to look at [Cambridge dictionary, 2024]), *fascinating* (to interest someone a lot [Cambridge dictionary, 2024]), *wonderful* (extremely good [Cambridge dictionary, 2024]), описывающие природные объекты, такие как горы, пустыни, хребты, моря и т.д. и создающие яркий и привлекательный образ природы. Кроме того, прилагательные превосходной степени подчеркивают непревзойденные качества достопримечательностей Саудовской Аравии. Такие словосочетания, как *the most spectacular scenery* (пример 83) поднимают восприятие природной красоты выше простой привлекательности. Дескриптивно-оценочная фраза *one of the most fabled ranges of Arabia* (пример 89) позиционирует горы Хеджаза не просто как горную цепь, а как горную цепь, овеянную легендами и достойную исследования. Некоторые

прилагательные в превосходной грамматической степени передают семантику чувства благоговения и восторга. Имя прилагательное, номинирующее нечто невероятное, во что сложно поверить, *incredible* (*impossible, or very difficult, to believe* [Cambridge dictionary, 2024]), (пример 91) выходит за рамки простой положительной оценки проекта *Diriyah*, вместо этого передавая мощное чувство удивления и привлекательности. Превосходные конструкции не всегда используются изолированно. Прилагательные в превосходной степени могут количественно выражать масштабы чего-либо. Фраза *literally hundreds of thousands of visitors* (пример 91) подчеркивает огромную популярность проекта *Diriyah*, демонстрируя ошеломляющее количество посетителей. Использование конкретных географических деталей также может продемонстрировать уникальные особенности местности.

Таким образом, американские новостные материалы представляют мусульманский мир как многогранный и богатый мир с точки зрения туризма. В дискурсивных контекстах подчеркивается его историческое значение, культурное богатство, завораживающая природная красота и потенциал для приключений и исследований.

2.2.3.2. Мусульманский мир как мир комфорта и гостеприимства

Страны Персидского Залива, такие как Саудовская Аравия, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, стали основным туристическим направлением в последние годы. В новостных статьях США прослеживается концепт модернизации и вестернизации, который представлен сравнением условий сервиса в арабских городах и городах Европы и Северной Америки. Концепт доступности в основном демонстрируется путем использования лексических единиц *available, widely accepted, etc*, а концепт разнообразия предлагаемых услуг отражен перечислением самих опций и единицами

языка, семантически номинирующих возможность выбора *options, many offerings, range of activities etc.* Например:

(93) *Just like major cities in Europe or North America, Jeddah and Riyadh have **hipster cafes, cool arts and culture venues**, and major sports teams packed with international players. Road signs, menus, maps and more are **usually in both Arabic and English**. **Western credit cards are widely accepted**, too.* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(94) *Foreign visitors **can rent cars** in Saudi Arabia, and **both men and women can drive** – provided their international driver’s licenses and other paperwork are in order.* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(95) ***Uber is available** in larger cities, as are Middle East rideshare apps like Careem and Kaiian, both of which **have English options**. For street hails, there are **taxi stands** at busy areas like shopping malls and sports stadiums.* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(96) *Dubai is now **very well established globally**. People come here, they know it’s safe, they know they can have a **great time, very high-quality, good cuisine, good art, interesting culture**.* (“Why Middle East travel is growing faster ‘than any other region’”, CNN, 16.05.2024);

(97) *MSC offers a range of itineraries and a selection of three-, five- or seven-night sailings on its Opera and Virtuosa ships. From **skyscrapers, luxury shopping and glitzy nightlife to turquoise waters and warm sand deserts**, there are **many offerings for young cruisers, families and couples**. On the Dubai, Abu Dhabi and Qatar seven-night cruise, the ships stop at Sir Bani Yas Island, known for its wildlife reserve, bird sanctuary and crystal-clear waters. The island **offers a range of activities**, including safaris, snorkeling, kayaking or mountain biking. There is also a **children’s water park and play area**.* (“8 Cruises Offer Respite From the Winter Blahs», NYT, 13.12.2023) etc.

Сравнение крупных городов Саудовской Аравии с городами Европы и западной Америки (*Just like major cities in Europe or North America*) (пример 93) и перечисление мест досуга, таких как хипстерские кафе, интересные художественные и культурные заведения (*hipster cafes, cool arts and culture venues*) с современным образом жизни с привычными для Запада ориентирами развеивает стереотипы о том, что регион имеет исключительно традиционные корни.

Информация о прокате автомобилей (*visitors can rent cars*) (пример 94), приложениях для совместного использования поездок с англоязычным интерфейсом (*Uber is available, rideshare apps like Careem and Kaiian, both of which have English options*) (пример 95) и приеме западных кредитных карт (*Western credit cards are widely accepted*) (пример 93) подчеркивает гостеприимную среду для туристов. Этот акцент на простоте путешествий направлен на привлечение посетителей, которые могут быть незнакомы с регионом.

Концепт мира, предлагающего разнообразие предложений, не ограничивается только упоминанием современных удобств. Дубай представлен высококачественной и хорошей кухней, впечатляющим искусством, интересной культурой (*great time, very high-quality, good cuisine, good art, interesting culture*) (пример 96), а в статье о круизном маршруте (пример 97) рассказывается о небоскребах, пляжах, пустынях, заповедниках и различных развлечениях (*From skyscrapers, luxury shopping and glitzy nightlife to turquoise waters and warm sand deserts*). Лексические единицы с семантикой разнообразия и предоставления выбора *options* (*one thing that can be chosen from a set of possibilities, or the freedom to make a choice* [Cambridge dictionary, 2024]), *many offerings* (*a product or service that is offered for sale* [Cambridge dictionary, 2024]), *range* (*a set of similar things* [Cambridge dictionary, 2024]) *of activities* демонстрируют, что мусульманский мир открыт для посещения

туристов и представляет разнообразные возможности для комфортного и наполненного разными событиями отдыха. Кроме того, в примерах 94 и 97 делается акцент на том, что регион рассчитан на широкий круг туристов, говоря о возможности управления автомобилем как мужчинам, так и женщинам (*both men and women can drive*), а также о созданном комфорте для молодых путешественников, пар, семей (*many offerings for young cruisers, families and couples*). Использование в примере 96 прилагательного с семантикой безопасности *safe* создает репутацию Дубая как безопасного места, что важным элементом, потенциально устраняющим опасения, которые могут возникнуть у некоторых туристов по поводу поездки в этот регион.

Таким образом, американские новостные СМИ представляют мусульманский мир, особенно регион Персидского залива, как туристическое направление, предлагающее современные удобства, разнообразный опыт и гостеприимную атмосферу. В статьях используется положительно окрашенная лексика, подчеркивается доступность и безопасность, что делает регион более привлекательным для широкого круга туристов.

2.2.3.3. Мусульманский мир как мир, активно развивающий туризм

Американские новостные СМИ изображают растущую индустрию туризма в мусульманском мире, в частности, в регионе Персидского залива. Концепт амбициозных планов репрезентируется при помощи языковых единиц, вербализующих долгосрочное планирование и высокие цели (*set an ambitious goal, plans to invest, focusing its efforts on, etc*) и числительными, номинирующими количество ожидаемых туристов и процент увеличения прилетов в регион в год (*150 million tourist, 70 million international tourists, 100 millionth visitor, 56% growth in international arrivals, etc*) даты достижения поставленных целей (*by 2030, over the next 10 years, 2030 plan*). Например:

(98) *Saudi Arabia has set an ambitious goal for itself: 150 million tourist visits by 2030. Travel e-visas, a growing number of international air links and a new 96-hour layover program have all made it logistically easier to visit.* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(99) *Saudi Arabia plans to invest over \$800 billion into tourism over the next 10 years, aiming to attract 70 million international tourists a year by 2030.* (“Dream of the Desert: Saudi Arabia is launching its own luxury train”, CNN, 31.01.2024) etc.

Кроме того, мусульманский мир в новостных статьях показан как мир, устанавливающий новые рекорды и занимающий лидирующую позицию, что в основном выражено прилагательными в превосходной степени сравнения (*one of the largest and most complex in the world, world’s largest, the world’s busiest, the tallest building in the world etc*) и качественными прилагательными, обозначающими размер (*big, large, giga*). Например:

(100) *A stretch of more than 70 kilometers (43 miles) of shoreline in Dubai could become the site of the “world’s largest coastal regeneration project,” if a project called Dubai Mangroves were to go ahead.* (“Plans for ‘world’s largest coastal regeneration project’ revealed in Dubai”, CNN, 14.05.2024);

(101) *A mammoth airport in Saudi Arabia has already set records for size, but new plans in Dubai are ratcheting up the race to be the world’s busiest airport by passenger volume.* (“Dubai reveals massive plans for the world’s busiest airport”, CNN, 30.04.2024);

(102) *Saudi Arabia’s King Fahd International Airport currently wears the crown as the largest airport in the world by area. At a whopping 780 square kilometers (about 300 square miles), that’s bigger than neighboring country Bahrain.* (“Dubai reveals massive plans for the world’s busiest airport”, CNN, 30.04.2024);

(103) *There are the hotels, with Burj Al Arab, which became like a statement for hospitality, then Burj Khalifa, **the tallest building in the world.*** (“The ‘Untold’ story of Dubai’s ‘first mega festival’”, CNN, 12.03.2024);

(104) *Diriyah is a **\$63.2 billion project** which, according to Inzerillo, is “**one of the largest and most complex in the world.**”* (“Diriyah: The latest ‘giga project’ aiming to transform Saudi Arabia”, CNN, 22.02.2023);

(105) *So **big**, in fact, that the country is **focusing its efforts on** what it’s calling “**giga-projects,**” **developments** that form a key part of the Kingdom’s **Vision 2030 plan** to create new economic ecosystems and drive diversification.* (“Diriyah: The latest ‘giga project’ aiming to transform Saudi Arabia”, CNN, 22.02.2023) *etc.*

Концепт повышающего свой статус мира и мира, стремительно растущего, транслируется через использование количественных числительных, номинирующих вклады стран мусульманского мира в развитие туризма (*\$800 billion, \$500 billion*) и количество построенных объектов (*38 new hotels, six museums, 26 cultural attractions, more than 400 luxury and lifestyle outlets, and over 100 souqs and bazaars etc*), качественные прилагательные, подчеркивающие новизну и роскошь (*stunning, luxury, lifestyle, new etc*), а также лексические единицы с семантикой роста и развития (*growing number, 56% growth, growing faster, have gone up by etc*).
Например:

(106) *Closed to tourists until recently, Saudi Arabia is still an unknown quantity for many would-be travelers. That’s changing fast. The country reported a **56% growth** in international arrivals in 2023 from 2019 pre-pandemic levels, according to the UNWTO.* (“The best things to experience in Saudi Arabia according to the people who know it”, CNN, 31.01.2024);

(107) *Saudi Arabia officially opened its doors to international tourists in a “historic moment” back in 2019 and the Middle Eastern kingdom has been pulling out all the stops to lure visitors over ever since. The destination has made a*

number of high-profile tourism investments in recent years – a \$500 billion model city in the desert of northwest Saudi Arabia among them. (“Dream of the Desert: Saudi Arabia is launching its own luxury train”, CNN, 31.01.2024);

(108) *Well, the GCC and Middle East is **growing faster** than any other region. The Saudis just celebrated their **100 millionth visitor**, Dubai is just announcing a **brand-new** airport, which is **stunning**, and visitors are flocking to Dubai, Abu Dhabi, Ras Al-Khaimah here in the (United Arab Emirates). We are seeing **revenue numbers have gone up by 50%** and the contribution to GDP — in terms of **the amount of money** that travel and tourism is making and contributing to the economy — **has gone up by 25%**. It’s **very, very strong**. So the whole of the region is doing **very well**. (“Why Middle East travel is growing faster ‘than any other region’”, CNN, 16.05.2024);*

(109) *Some **38 new** hotels and resorts will be opening in Diriyah, including properties by **big-name brands** such as Ritz-Carlton, Park Hyatt and Raffles, alongside **six museums, 26 cultural attractions, more than 400 luxury and lifestyle outlets, and over 100 souqs and bazaars**. (“Diriyah: The latest ‘giga project’ aiming to transform Saudi Arabia”, CNN, 22.02.2023);*

(110) *According to Saudi-Arabia’s State run media, the **new** train is due to begin operations in late 2025, Dream of the Desert will offer “**luxury** train cruise” journeys from the capital city of Riyadh to Qurayyat, which is situated close to the northern border with Jordan, according to a press release issued by SAR last week. (“Dream of the Desert: Saudi Arabia is launching its own luxury train”, CNN, 31.01.2024);*

(111) *The Saudis aren’t resting on their laurels, either. The country is working on a **new six-runway airport** on the King Fahd International site **by 2030**, with capacity **eventually for 185 million** passengers per year. (“Dubai reveals massive plans for the world’s busiest airport”, CNN, 30.04.2024);*

(112) *The Cultural Complex will become a key attraction in Muscat. “We want to enchant people, to enhance their daily lives,” (“Why this spectacular complex could become Oman’s ‘cultural magnet’”, CNN, 23.02.2024) etc.*

Использование таких глаголов и фраз, имеющих значения установления цели, планирования инвестиций и направление сил на какое-либо действие, как *set an ambitious goal* (пример 98), *to plan to invest* (пример 100), и *to focus efforts on* (пример 103), подчеркивает ориентированный на будущее подход, с четко определенными целями, определяющими развитие туристического сектора. Кроме того, указание дат (примеры 98, 99, 103), подчеркивает стратегическую программу, обеспечивающую последовательный и устойчивый подход к росту. Конкретные цифры, такие как *150 million tourist visits by 2030* (пример 98) и *\$800 billion into tourism over the next 10 years* (пример 99), устанавливают четкие и измеримые цели с определенными сроками. Такой дискурсивный прием способствует прозрачности и подотчетности, позволяя заинтересованным сторонам отслеживать прогресс в достижении этих амбициозных целей. Приведение таких статистических данных об увеличении международных вылетов и о росте выручки и международных перелет (*56% growth in international arrivals* (пример 100), *revenue numbers have gone up by 50%* (пример 108)) демонстрирует значительный количественный прогресс, который уже достигнут. Кроме того, упоминание таких масштабных проектов, как *\$500 billion model city* (пример 101) и *giga-projects* (пример 103), указывает масштаб и амбициозность этих планов развития. Использование прилагательного с семантикой новизны *new* (*recently created or having started to exist recently* [Cambridge dictionary, 2024]) (примеры 105, 106) подчеркивает постоянное внимание к развитию и модернизации. Это гарантирует, что инфраструктура и объекты остаются современными и отвечают меняющимся потребностям туристов. Фраза *The Saudis aren't resting on their laurels* (пример 110), подразумевает постоянное

стремление к совершенствованию и сохранению лидирующих позиций. Такая нацеленность на постоянное совершенствование предполагает стремление не просто занять видное место в мировой индустрии туризма, но и обеспечить долгосрочную устойчивость и лидерство. Использование таких суперлативов, как *world's largest* (примеры 107, 108), выходит за рамки простого сравнения. Оно предполагает стремление мусульманского мира к абсолютному доминированию в конкретных аспектах туристической инфраструктуры. Эти амбиции подкрепляются описаниями, подчеркивающими исключительный характер проектов, например *one of the largest and most complex in the world, the world's busiest, the tallest building in the world*. Здесь подчеркивается неустанное стремление к созданию не просто впечатляющих проектов, а таких, которые заново определяют границы возможного в туристическом ландшафте.

Таким образом, в американском новостном дискурсе используется стратегическое сочетание лингвистических особенностей, чтобы представить мусульманский мир, в частности регион Персидского залива, как активно реализующий амбициозные планы по превращению себя в крупное туристическое направление. В центре внимания – четко определенные долгосрочные цели, значительные инвестиции, стремление к достижению рекордных результатов и постоянное совершенствование. Мусульманский мир репрезентирован как регион, который намерен не просто конкурировать, а стать мировым лидером в сфере туризма.

2.2.3.4. Мусульманский мир как мир палящего солнца

Концепт мусульманского мира как мира с жарким климатом демонстрируется с помощью указания точной температуры в летний сезон (*120 degrees Fahrenheit (about 50 Celsius)*), упоминания о закрытии магазинов и кафе в полуденное время из-за жары (*will close in the afternoon, shut for*

several hours at midday) и контраста с зимним сезоном (*the extreme heat/the coolest*). Например:

(113) *Many locals also advise against visiting in **summer**, as it's normal for temperatures to top **120 degrees Fahrenheit (about 50 Celsius)**. Due to the **extreme heat**, some businesses **will close in the afternoon and reopen again later in the day**. For example, in Jeddah's historic al-Balad neighborhood, most cafes and stores **shut for several hours at midday**. ("What to know about visiting Saudi Arabia", CNN, 14.02.2024);*

(114) *January is generally **the coolest month** of the year, with temperatures around **64-68 Fahrenheit (18-20 degrees Celsius)**. Winter is **the ideal season** for enjoying Saudi Arabia's many outdoor activities, from hiking historic archeological sites to stargazing in the desert. ("What to know about visiting Saudi Arabia", CNN, 14.02.2024) etc.*

Использование точной температуры *120 degrees Fahrenheit (about 50 Celsius)* (пример 113) демонстрирует четкую и количественную меру сильной жары. Перевод в градусы Цельсия делает информацию доступной для более широкой аудитории.

Упоминание о закрытии предприятий в полдень из-за экстремальной жары (пример 113) демонстрирует практическую адаптацию, которую жители делают, чтобы справиться с суровым климатом. Это подчеркивает повсеместное распространение жары и ее влияние на повседневную жизнь.

Хотя в приведенных дискурсивных фрагментах нет прямого указания, контраст между палящим летом и идеальным зимним сезоном (пример 114) усиливает представление о жарком климате. Это неявное сравнение предполагает, что летняя жара является важным аспектом характера региона.

Однако важно отметить, что мусульманский мир охватывает огромное количество географических мест с различным климатом. Оман, в частности, описан как зеленый регион с обилием воды в реках, долинах и водопадах. В

отличие от жаркой погоды, характерной для Саудовской Аравии, в Омане нет резкого контраста между летним и зимним сезонами. Например:

(115) *Because of its location, Oman is one of **the rare countries in the Arab world** that experiences a **khareef (monsoon) season**, which turns the landscape a lush green, **floods** mountains with **waterfalls**, fills the wadis (valleys or riverbeds) **with fresh water** and brings a **thick fog** to rest on the southern governorates of the country. Oman **doesn't really have an off-season**. The khareef is popular with khaleejis, and during winter months the sultanate receives more European and Indian tourists.* (“A Woman Alone in Oman: Three Weeks Along the Arabian Coast”, NYT, 09.05.2021) *etc.*

Таким образом, мусульманский мир предстает не просто как регион с жарким климатом, но и как территория с контрастными климатическими зонами и сезонными особенностями, способными удовлетворить запросы туристов из разных стран.

2.2.4. Мусульманский мир как мир традиционного уклада

Традиционная одежда и еда – это два важных аспекта культуры, которые могут многое рассказать о ценностях, обычаях и истории народа. В контексте мусульманского мира эти элементы играют особенно важную роль, служа не только отражением повседневной жизни, но и выражением религиозных убеждений, культурной идентичности и наследия.

2.2.4.1. Мусульманский мир как мир приверженности традициям в выборе одежды

Концепция традиционности в выборе одежды и приверженности культуре находит отражение в американском новостном дискурсе посредством использования имени прилагательного *traditional* и имени существительного *culture*. Транслитерированные с арабского языка лексемы, номинирующие детали одежды (*thobes, keffiyeh, dishdasha, kuma, abaya, hijab*

etc.) отражают разнообразие элементов гардероба в мусульманском мире. Широкий спектр цветовых решений, фасонов и орнаментов изделий выражают языковые единицы, несущие семантику разнообразия, такие как *different* и *variety*. Например:

(116) “*Saudi women and men both in **traditional dress** as well as more contemporary attire. There was an overall modesty to **the dress for both sexes**, however there was **a lot of variety in colors, styles and textures.**” (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);*

(117) “*There was not an expectation for a foreigner to wear a **thobe**,*” George adds, referring to ***the traditional garment** many men wear in the Middle East. “My Western dress was accepted and not considered rude in any way.”* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(118) *A **keffiyeh** — sometimes spelled **kufiyya** or **kaffiyeh** in English — is a **traditional scarf** worn across many parts of the Middle East. Typically, it is either black and white or red and white, **featuring different patterns** throughout and tassels on its edge.* (“The keffiyeh explained: How this scarf became a Palestinian national symbol”, CNN, 28.11.2023);

(119) *For many Palestinians and people of Arab descent around the world, the **keffiyeh** serves as a **crucial link** to their **culture.*** (“The keffiyeh explained: How this scarf became a Palestinian national symbol”, CNN, 28.11.2023);

(120) *And while it’s okay for non-Muslims to visit mosques – a pretty common occurrence, as many are tourist attractions in their own right – **proper dress** is a must. Women should **cover their hair** to be respectful.* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(121) *Just as the sun was fading into a fuzzy haze, a **traditionally dressed** couple walked barefoot along the shoreline, the man in a **dishdasha** (an **ankle-length collarless tunic**) and **kuma** (a rounded embroidered cap), and the*

woman in an *abaya* (a long black cloak) and *hijab*. (“A Woman Alone in Oman: Three Weeks Along the Arabian Coast”, NYT, 09.05.2021) etc.

Использование оригинальных арабских терминов для обозначения одежды обеспечивает семантическую точность и исключает двусмысленность. Например, *dishdasha* (a long usually white robe traditionally worn by men in the Middle East [Merriam-Webster, 2024]) передает более конкретное значение, чем общий термин «платье» или «туника», что позволяет избежать путаницы с одеждой из других культур. Применение аутентичных терминов демонстрирует уважение авторов новостных статей к мусульманской культуре и признает важность одежды в ней. Для облегчения понимания читателей, незнакомых с терминологией, авторы дополняют транслитерированные термины краткими пояснениями, например, *an ankle-length collarless tunic* для термина «дишдаша», *a long black cloak* для «абая».

В дискурсивном фрагменте 116 прямо упоминается *traditional* (following or belonging to the customs or ways of behaving that have continued in a group of people or society for a long time without changing [Cambridge dictionary, 2024]) *dress* наряду с *contemporary* (existing or happening now, and therefore seeming modern [Cambridge dictionary, 2024]) *attire*, что свидетельствует о непреходящем значении традиционной одежды в культуре. Требование «правильно одеваться» (*proper dress is a must*) при посещении мечетей (пример 120) подчеркивает связь между одеждой и уважением к культурным и религиозным нормам. Кроме того, подробное указание на то, что женщины должны покрывать волосы, говорит о приверженности принципам скромности, которые часто переплетаются с культурными и религиозными традициями.

Заявление о том, что кеффийе является важнейшей связью с культурой (*a crucial link to their culture*), подчеркивает роль одежды в связи людей с их

наследием. Это подкрепляет идею о том, что традиционная одежда выходит за рамки простой функциональности, служа осязаемым символом культурной идентичности и способом выражения культурной принадлежности.

Использование аутентичной терминологии и продуманное описание одежды в новостных статьях способствует более глубокому пониманию культурных нюансов, традиций и религиозных обычаев мусульманского мира.

2.2.4.2. Мусульманский мир как мир пряностей

Репрезентация культуры через особенности национальной кухни играет важную роль в формировании восприятия разных народов. Использование в новостных статьях американских СМИ названий национальных блюд (*karak, qeema, biryani, kunafa etc*) и ингредиентов (*meat, chickpeas, lamb, rice, walnut, tomato, chicken etc*), входящих в их состав, а также подчеркивание роли специй (*cardamom, walnut, ginger, cinnamon, anise etc*), которыми приправляют блюда, демонстрирует мусульманский мир как регион, обладающий богатым и разнообразным кулинарным наследием. Например:

(В новостных статьях американских СМИ мусульманский мир представлен как регион, обладающий богатым и разнообразным кулинарным наследием. Это демонстрируется через использование названий национальных блюд (*karak, qeema, biryani, kunafa etc*) и ингредиентов (*meat, chickpeas, lamb, rice, walnut, tomato, chicken etc*), входящих в их состав, а также подчеркивается роль специй (*cardamom, walnut, ginger, cinnamon, anise etc*), которыми приправляют блюда.) Например:

(122) *The first thing I did on my expedition north was pull up for a warm cup of sweet milk tea called **karak** — an **Omani** favorite, made with **spices** — at the nearest place I could find.* (“A Woman Alone in Oman: Three Weeks Along the Arabian Coast”, NYT, 09.05.2021);

(123) *Broad-bellied iron vats on low blue gas fires held vast quantities of rice and qeema, a spiced stew of meat and chickpeas made especially at Ashura.* (“An Epic Pilgrimage Across Three Great Religions”, NYT, 09.11.2023);

(124) *Martabaan is named for a pottery jar in which one of its signature dishes of lamb curry is served, alongside the rice dish biryani, fragrant with cardamom.* (“The Middle East’s emerging fine dining destination”, CNN, 24.03.2023);

(125) *Carnivores are also in for a treat with seafood and meat from the grill, like chargrilled lamb tenderloin with walnut and tomato spread or succulent grilled baby chicken marinated with lemon and garlic. There are decadent desserts like kunafa, a baked cheese and pastry pudding soaked in sugar syrup.* (“The Middle East’s emerging fine dining destination”, CNN, 24.03.2023);

(126) *Entrees cross the region, from the Syrian karaz kebob with cherry sauce, an Arabic mixed grill or a stunning seafood platter. Their signature dessert of pistachio baklava, the popular filo pastry with walnuts and syrup, is seriously taken up a notch with local honey from the hotel’s own beehives, camel milk ice cream – and gold leaf.* (“The Middle East’s emerging fine dining destination”, CNN, 24.03.2023);

(127) *Arak might just be one of the most interesting spirits you’ve never heard of – and the Middle Eastern drink is having a revival across the globe. The anise-flavored liquor is one of the oldest spirits in the world.* (“It’s one of the world’s oldest spirits. Now it’s making a comeback”, CNN, 27.06.2023);

(128) *It is a holiday that embraces the rich history of Arak, as well as Syria, Lebanon, Palestine and Jordan’s shared culinary heritage, drinking culture, and Levantine identity.* (“It’s one of the world’s oldest spirits. Now it’s making a comeback”, CNN, 27.06.2023) etc.

(129) *Stiffler explains to my family as he drinks an amber-colored drink called qishr, brewed from coffee husks, spiced with ginger and cinnamon.*

(130) *Durum wheat harvested while green, called **freekah**, adds satisfying heft and nourishment to this North African soup, which is especially beloved during the holy time of Ramadan.*

Статьи демонстрируют богатый ассортимент блюд, представляющих обширную кулинарную территорию, которую охватывает мусульманский мир. От таких напитков, как оманский карак (пример 122) и кишр на основе кофе (пример 129), до тушеных блюд (кема (пример 123), карри из баранины (пример 124)), блюд из риса (бирьяни (пример 124) и множества видов мяса и морепродуктов, приготовленных на гриле (примеры 125, 126), - эти дискурсивные фрагменты дают возможность заглянуть в разнообразный кулинарный мир. Включение в список декадентских десертов, таких как кунафа (пример 125) и пахлава (пример 126), еще больше подчеркивает широту ассортимента сладких угощений в мусульманской кухне мира. Чтобы выделить ароматические качества блюд, используется описательный язык. Такие имена прилагательные, как *fragrant* (пример 124), *anise-flavored* (пример 127) и *amber-colored* (пример 129), вызывают обонятельные и визуальные ассоциации со специями и подчеркивает их важность в общем вкусовом профиле мусульманской кухни мира.

Ассоциация еды с праздником Ашура и описание (*a spiced stew...made especially at Ashura* (пример 123)), а также упоминание особо любимого блюда в месяц Рамадан (*soup, which is especially beloved during the holy time of Ramadan*) (пример 130) свидетельствуют о том, что еда играет важную роль в культурных традициях и празднованиях в мусульманских общинах.

В целом эти новостные выдержки способствуют позитивному и многогранному представлению о мусульманском мире через его культуру питания. Они демонстрируют богатый вкус, региональные вариации и культурное значение еды в мусульманских общинах.

В статьях также описывается традиционный мусульманский ритуал приема пищи, в котором использовано несколько ключевых элементов: 1) использование правой руки (*using our right hands in place of utensils*); 2) приеме пищи на полу (*we sat eating cross-legged*); 3) совместное принятие пищи (*we took the bags...we sat eating*). Например:

(131) *He had ordered takeout, and we took the bags to the beach, where he laid out a mat and we sat eating cross-legged using our right hands in place of utensils, in the traditional manner.* (“A Woman Alone in Oman: Three Weeks Along the Arabian Coast”, NYT, 09.05.2021);

Эти детали создают картину традиционного мусульманского ритуала приема пищи, который 1) основан на религиозных принципах (в исламе предписано использовать правую руку для еды); подчеркивает простоту и смирение (прием пищи на полу символизирует отказ от роскоши и материальных благ); способствует общению и сближению (совместное принятие пищи является важной частью мусульманской культуры и укрепляет связи между людьми).

О щедрости и гостеприимстве мусульманского народа сказано в контексте описания жизни бедуинов. Повторяющаяся структура фразы *plates heaped and refilled* создает ощущение переполненности щедростью, подчеркивая акт дарения в избытке. Этот акцент на изобилии усиливает концепцию щедрости, ключевую характеристику бедуинского гостеприимства. Выражение *Unsuspecting guests* подразумевает, что гости удивлены огромным количеством предложенной еды, что говорит о намерении хозяина превзойти ожидания и обеспечить удовлетворенность гостей. Высказывание *such munificence is a matter of survival* объясняет щедрость в контексте суровых реалий жизни в пустыне. Делиться ресурсами становится необходимостью для выживания, развивая культуру взаимности и укрепляя прочные социальные связи. Отрывок *the ultimate Bedouin gesture*

toward a guest подчеркивает его историческую значимость в культуре бедуинов, возводя акт предложения пищи на высший уровень гостеприимства. Например:

(130) *Unsuspecting guests will find their plates heaped and refilled, whether they ask for thirds or not. Among nomadic peoples especially, such munificence is a matter of survival — anyone who's crossed the desert on foot knows the importance of water, shelter and food. For centuries, the ultimate Bedouin gesture toward a guest was to kill a precious lamb or goat, then crown the subsequent feast dish with its cooked head. "The worst thing for which [a Bedouin] can be ridiculed is greed," writes the American University of Beirut professor Jibrail S. Jabbur in "The Bedouins and the Desert," translated from the Arabic by Lawrence I. Conrad in 1995. ("For Many Members of the Arab American Diaspora, Mansaf Offers a Taste of Home", NYT, 11.11.2021).*

Таким образом, статьи американского новостного дискурса способствуют позитивному и многогранному представлению о мусульманском мире, через репрезентацию его богатства и разнообразия кулинарных традиций, демонстрацию важной роли еды в мусульманских традициях, описание этикета приема пищи и отображение щедрости и гостеприимства.

2.2.5. Мусульманский мир в мире религии

Освещение мусульманского мира в новостном дискурсе является многогранной и значимой темой, оказывающей влияние на общественное восприятие. Наиболее распространенными лексическими единицами, репрезентирующими мусульманский мир, связаны с религией и описанием религиозных обрядов.

2.2.5.1. Мусульманский мир как мир священных текстов и мест

Упоминание Корана и хадисов (*the Quran, the Koran, hadiths*) подчеркивает их основополагающую роль в исламе. Эти тексты представлены как важнейший элемент мусульманской веры и практики. Например:

(134) *He counters by saying there are roughly 700 verses in **the Quran** and dozens of **hadiths**, or sayings, by the Prophet Muhammad that speak about the environment.* (“What Can ‘Green Islam’ Achieve in the World’s Largest Muslim Country?”, CNN, 17.04.2024);

(135) *Sinwar also knows **the Quran** by heart, a prodigious feat of memory since **the holy book** contains more than 6,000 verses.* (“The fanatical Hamas leader who calls the shots”, CNN, 14.06.2024);

(136) *For Muslims **the Koran** stands as **the Text of reference**, the source and the essence of the message transmitted to humanity by the creator. It is **the Word of God** but it is not God.* (“Reading the Koran”, NYT, 06.01.2008);

(137) *Reason opens **the Book** and reads it but it does so in the company of the heart, of spirituality.* (“Reading the Koran”, NYT, 06.01.2008);

(138) *According to the **Hadith**, the sacred Islamic text, there was an eclipse around the death of the Prophet Muhammad’s son, Ibrahim.* (“How the Solar Eclipse Affected Eid Timing”, NYT, 09.04.2024) etc.

Использование имен прилагательных с семантикой священности *holy* (*considered to be pure or good because of being related to what a religion values* [Cambridge dictionary, 2024]), *sacred* (*considered to be holy and deserving respect, especially because of a connection with a god* [Cambridge dictionary, 2024]) подчеркивает глубокое уважение и почтение, с которым мусульмане относятся к этим текстам. Они считаются богодухновенными и имеют первостепенное значение в исламской вере и практике.

В примерах 136, 137 использован стилистический прием перифраз при упоминании Корана. Использование таких выражений, семантически номинирующих текст-инструкцию, послание и Слово Божье, как *the Text of reference* (a writer or a book, article, etc. that is mentioned in a piece of writing, showing you where particular information was found [Cambridge dictionary, 2024]), *the message* (the most important idea in a book, film, or play, or an idea that you want to tell people about [Cambridge dictionary, 2024]), *the Word of God*, *the Book* вместо слова «Коран» свидетельствует о попытке передать важность и назначение Корана без прямого упоминания его названия, акцентируется внимание на роли Корана как источника руководства и послания от Бога.

Для мусульманского мира священными являются не только писания, но и города и мечети, имеющие прямое отношение к религии. К ним относятся Мекка, Медина, Аль-Акса и Кааба. Например:

(139) *That was when Caliph Uthman ibn Affan decreed that Jeddah would be the official port for those making a pilgrimage to **Mecca, Islam's holiest site. The second-holiest city, Medina, is also nearby.*** (“Al-Balad: Where Saudi Arabia’s tourism industry began”, CNN, 18.04.2023);

(140) ***Mecca** is considered the spiritual center of Islam because it was where the Prophet Mohammed is said to have received his first revelations in the early 7th century.* (“The Black Stone of Mecca like you’ve never seen before”, CNN, 04.05.2021);

(141) *Reducing access to **Al Aqsa, the sacred mosque** compound in Jerusalem that has long been a flashpoint for tensions, may set off unrest, some Israelis warned.* (“Israel May Put New Restrictions on Visiting Aqsa Mosque as Ramadan Nears”, NYT, 19.02.2024);

(142) *The stone is framed in pure silver at the southeast corner of **the Kaaba (Ka’bah)**, the cube-shaped building constructed by Abraham and his son Ishmael,*

according to the Quran. (“The Black Stone of Mecca like you’ve never seen before”, CNN, 04.05.2021) *etc.*

Регулярное использование имен прилагательных *holy* и *sacred* подчеркивает глубокое благоговение, с которым мусульмане относятся к этим местам. Данные языковые единицы представляют Мекку, Медину и Аль-Аксу как фундаментальные аспекты исламской веры и практики, а не просто географические объекты. Использование в примере 139 прилагательных в превосходной грамматической степени таких, как *Islam’s holiest site* для Мекки и *The second-holiest city* для Медины, устанавливает иерархию важности этих священных мест.

Ссылки на откровения пророка Мухаммада в Мекке в примере 140 (*center of Islam... Prophet Mohammed is said to have received his first revelations*) и кораническое повествование о строительстве Каабы Авраамом и Измаилом в дискурсивном фрагменте 142 (*the Kaaba (Ka’bah).. constructed by Abraham and his son Ishmael*) обеспечивают историческое и религиозное обоснование святости этих мест.

2.2.5.2. Мусульманский мир как мир следования религиозным предписаниям

Концепт «мусульманский мир как мир религиозной приверженности» проявляется через лексические единицы, семантически номинирующие события, ритуалы и их описания. Данный концепт репрезентируется названиями религиозных праздников, таких как *Eid al-Fitr* (знаменующий окончание поста) и *Eid al-Adha* (праздник жертвоприношения), а о его связи с религией свидетельствует использование существительного *holiday* с семантикой праздника наряду с прилагательными *religious* и *Muslim*. Например:

(139) *After eight devastating months of war, Muslims in Gaza on Sunday will mark a somber Eid al-Adha, a major religious holiday usually celebrated by*

sharing meat among friends, family and the needy. (“On Eid al-Adha, Gazans Mark Another Somber Holiday Amid War”, NYT, 16.06.2024);

(140) *“It will be a day like any other day, just like **Eid al-Fitr**,” she added, referring to the other **major Muslim holiday**, which Gazans observed more than two months ago under the same conditions.* (“On Eid al-Adha, Gazans Mark Another Somber Holiday Amid War”, NYT, 16.06.2024) *etc.*

Уважение к религиозным заповедям в мусульманском мире также проявляется в том, как Рамадан, священный месяц поста, изображается в новостях. Благодаря использованию лексических единиц, таких как *Ramadan*, а *fast* и *iftar* (вечерний прием пищи для прерывания поста), журналистские статьи демонстрируют центральную роль этой практики в жизни мусульман. Например:

(141) *It might also be wise for non-Muslims to avoid visiting during **Ramadan**, which is the ninth month of the Islamic calendar. (In 2024, it’s likely to run from March 10 to April 8 - lunar months like Ramadan can vary a day either side).* (“What to know about visiting Saudi Arabia”, CNN, 14.02.2024);

(142) ***Ramadan** is the ninth month of the Islamic calendar, during which observant Muslims observe a strict **fast** from dawn until sunset.* (“Nutritionist-approved tips for a healthy Ramadan fasting”, CNN, 10.03.2024);

(143) ***Iftar** is the breaking of the **fast** after sundown.* (“A Ramadan etiquette guide for non-Muslims”, CNN, 11.03.2024) *etc.*

Авторы статей используют определения для разъяснения незнакомых обычаев. Например, строгий пост с рассвета до заката для *Ramadan (a strict fast from dawn until sunset)* в примере 142 или нарушение поста после заката для *Iftar (the breaking of the fast after sundown)* в примере 143. Эти объяснения устраняют культурный разрыв, облегчая понимание для тех, кто не знаком с ритуалами Рамадана.

Временная контекстуализация, выраженная ссылками на исламский календарь в дискурсивных фрагментах 141, 142 (*the ninth month of the Islamic calendar*) определяют место Рамадана в соответствующих религиозных рамках.

Хадж, ежегодное паломничество в Мекку, является одним из пяти столпов ислама и представляет собой фундаментальную концепцию мусульманской веры. Этот концепт получает свою репрезентацию через использование лексических единиц с семантикой паломничества (*Hajj, pilgrimage*), топонимов священных мест мусульманского мира, а также через описание ритуалов, совершаемых во время Хаджа. Например:

(144) *During the **Hajj**, Islam's most important annual **pilgrimage**, devotees walk counter-clockwise around the black monolith.* (“The Black Stone of Mecca like you’ve never seen before”, CNN, 04.05.2021);

(145) *More than 1.8 million people are taking part in **Hajj** this year, according to the Saudi General Authority for Statistics.* (“Six Hajj pilgrims die from heatstroke in Mecca, as temperatures head for 118 degrees Fahrenheit”, CNN, 15.06.2024);

(146) ***The Hajj** is one of the biggest religious gatherings in the world and the largest annual event in Saudi Arabia.* (“Six Hajj pilgrims die from heatstroke in Mecca, as temperatures head for 118 degrees Fahrenheit”, CNN, 15.06.2024);

(147) *These rituals include praying outside **the Great Mosque of Mecca** and spending the day in prayer at **Mount Arafat**, often under the blazing sun.* (“14 Jordanians Die in Intense Heat During Hajj Pilgrimage”, NYT, 16.06.2024);

(148) *The **pilgrimage** includes numerous detailed rituals including wearing a special garment that symbolizes human equality and unity before God, a circular, counter-clockwise procession around **the Kaaba**, and the symbolic stoning of evil.* (“Six Hajj pilgrims die from heatstroke in Mecca, as temperatures head for 118 degrees Fahrenheit”, CNN, 15.06.2024) *etc.*

В новостных контекстах при упоминании паломничества в Мекку используются имена прилагательные в превосходной степени для обозначения важности в примере 144 (*Islam's most important annual pilgrimage*) и масштабность в примере 146 (*one of the biggest religious gatherings in the world and the largest annual event*) данного события, демонстрирует его статус как одного из самых значительных религиозных собраний в мире. Использование количественного числительного в дискурсивном фрагменте 145 *more than 1.8 million people*, номинирующего количество паломников, посетивших Саудовскую Аравию, также репрезентируют глобальность данного собрания.

Включение подробностей о конкретных ритуалах, таких как обход вокруг Каабы против часовой стрелки и ношение специальной одежды (*walk counter-clockwise around the black monolith* (пример 144), *wearing a special garment* (148)) позволяет взглянуть на практику, выполняемую во время Хаджа, и обогащает понимание читателей-немусульман.

Таким образом, американские новостные СМИ используют сочетание специфической терминологии, определений, временного контекста и культурной чувствительности, чтобы представить мусульманский мир через призму поста в месяц Рамадан, праздники Ид аль-Фитр и Ид аль-Адха и ежегодного паломничества в Мекку.

2.2.5.3. Мусульманский мир как мир религиозной деятельности

Нередко мусульманский мир представлен через имена собственные пророков (*Muhammad, Noah, Abraham, Moses, Jesus etc*) и их последователей (*Uthman ibn Affan, Umar ibn Al-Khattab*), что играет важную роль в формировании у аудитории понимания ислама и его исторических и религиозных основ. Например:

(149) *The Prophet Muhammad and his small group of believers saw the earlier monotheists — Jews and Christians — as allies.* (“Would the Prophet Muhammad Convert Hagia Sophia?”, NYT, 20.06.2020);

(150) *That was when Caliph Uthman ibn Affan decreed that Jeddah would be the official port for those making a pilgrimage to Mecca, Islam’s holiest site. The second-holiest city, Medina, is also nearby.* (“Al-Balad: Where Saudi Arabia’s tourism industry began”, CNN, 18.04.2023);

(151) *The Prophet’s spirit was best exemplified by his second successor, or caliph, Umar ibn Al-Khattab, soon after his conquest of Jerusalem in the year 637.* (“Would the Prophet Muhammad Convert Hagia Sophia?”, NYT, 20.06.2020);

(152) *The Koran is remembrance of all previous messages, those of Noah and Abraham, of Moses and Jesus.* (“Reading the Koran”, NYT, 06.01.2008);

(153) *The stories of Eve and Adam, or of Moses, are repeated several times over with differing though noncontradictory elements.* (“Reading the Koran”, NYT, 06.01.2008);

Пророк Мухаммад является центральной фигурой Ислама, поэтому упоминание его имени сразу же создает религиозный контекст и подчеркивает историческую основу ислама. Упоминание других пророков, таких как Ной, Авраам, Моисей, Иисус и др., демонстрирует авраамическую связь между исламом и другими монотеистическими религиями (Христианство и Иудаизм).

Значимость фигур мусульманского мира демонстрируется через использование их званий, которые номинируют человека, разговаривающего с Богом и предсказывающим будущее *prophet (a person who speaks for God or a god, or a person who tells what will happen in the future* [Cambridge dictionary, 2024]), а также политического и религиозного лидера Ислама *the message (a political and religious leader of Islam in the period following the death of*

Muhammad [Cambridge dictionary, 2024]). Кроме того, в контексте новостных статье американских изданий встречаются и другие транслитерированные звания религиозных деятелей (*ayatollahs, sheik, imam, mufti*). Например:

(154) *For decades, the Shiite Muslim **ayatollahs** who came to power in Iran through the 1979 Islamic Revolution have worked to build an arc of like-minded proxy forces across the Middle East.* (“The Proxy Forces Iran Has Assembled Across the Middle East”, NYT, 27.10.2023);

(155) *No **sheik** is needed, no wise man, no confidant.* (“Reading the Koran”, NYT, 06.01.2008);

(156) *He had been the resident **imam** of Masjid Muhammad for over four years and was also an avid boxer, Mr. Shareef said.* (“Imam Is Fatally Shot Outside New Jersey Mosque”, NYT, 03.01.2024);

(157) *He was elected **mufti** of Sunni Muslims in Ukraine in 2009.* (“‘We Are Accidentally Alive’: A Muslim Cleric Reflects on His War Experience”, NYT, 15.09.2023).

Данные языковые единицы номинируют должности религиозных шиитского лидера *ayatollah* (*an important religious leader of Shiite Muslims in Iran* [Cambridge dictionary, 2024]), арабского лидера *sheik* (*an Arab leader* [Cambridge dictionary, 2024]), исламского лидера *imam* (*a leader in the Islamic religion* [Cambridge dictionary, 2024]), эксперта, выносящего решения на основе религиозных законов *mufti* (*a Muslim legal expert who makes decisions based on religious laws* [Cambridge dictionary, 2024]).

Таким образом, использование имен собственных и званий является одним из способов репрезентации мусульманского мира в американских СМИ. Это помогает формировать у аудитории понимание ислама, его истории, религии и культуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Мнение зарубежных исследователей склоняется к тому, что точкой отсчета репрезентации мусульманского мира в современном американском новостном дискурсе являются акты терроризма, произошедшие в США 11 сентября 2001 года. В ходе своих исследований, они пришли к выводу, что мир мусульман представлен терроризмом и традиционным исламом, последний из которых преимущественно представлен преимущественно лексическими единицами с нейтральной или положительной коннотациями.

Анализ лексических единиц в американских новостных сообщениях позволяет выявить следующие концептуальные смыслы данного явления, формируемые в американском дискурсе:

По результатам анализа вербализации концепта «мусульманский мир» в новостных источниках были выявлены следующие концептуальные смыслы данного явления в американском новостном дискурсе:

1. Мусульманский мир – разобшенная геополитическая система представлена лексемами с семантикой религиозных течений (*Sunni, Shiite*), а также топонимами стран, большая часть населения которых придерживается суннитских вероубеждений (*Saudi Arabia, United Arab Emirates, Egypt, Morocco*) и шиитских (*Iran, Lebanon, Iraq, Siria*).

2. Мусульманский мир – мир терроризма и вооруженных конфликтов, включающий в себя следующие концепты:

1) мир террористических организаций, представленный топонимами и антропонимами (*Hamas, the Islamic State, Houthi, Quds Force, Al Shabab, Al Qaeda ect*);

2) мусульманский мир как мир войны, насилия, терроризма репрезентируемый именами существительными *war, violence, terrorism* и характерный развязыванием и участием в затяжных войнах, организованных в основном террористическими организациями;

3) мусульманский мир как мир злости, жестокости и смертельной опасности, транслируемый именами прилагательными *violent, vicious, deadly ect.*, в котором действия террористических организаций являются бесчеловечными, аморальными и несущими потери;

4) мусульманский мир как мир взрывов и нападений, представленный именами существительными *bomb, rocket, attack*, характерными чертами которого являются неожиданность, высокая смертоносность и разрушительность;

5) мусульманский мир как мир насилия и убийств, вербализованный глаголами с семантикой намеренного нанесения физических увечий *to wound, to rape, to kidnap* и синонимичными глаголами *to kill, to slaughter, to murder* с семантикой убийства. В рамках этого концептуального смысла мусульманский мир характеризуется особой жестокостью и бесчеловечностью, следствием которых являются нанесение увечий невинным и целенаправленное убийство большого количества людей.

3. Мусульманский мир в мире спорта:

1) мусульманский мир как активно развивающийся мир высоких достижений в спорте получает свою репрезентацию с помощью использования имен существительных лексико-грамматической группы виды спорта (*cricket, tennis, golf, football etc.*), и имен существительных, выступающих названиями спортивных мероприятий (*ICC Cricket World Cup, Cricket World Cup, T20 World Cup, "6 Kings Slam" etc.*), имен собственных, номинирующих знаменитых атлетов (*Cristiano Ronaldo, Khalid Eisa, Ayman Yahya etc*), а также названия сборных и клубов (*Al-Hilal, Al Ain, Al-Nassr etc*), Концепт также реализуется с помощью лексических единиц с семантикой победы (*to defeat, to win, a victory etc*);

2) мусульманский мир как мир, активно инвестирующий в развитие спорта представлен в американских СМИ путем использования

числительных для обозначения крупных инвестиций и преобладания лексики, преимущественно используемой в экономической сфере (*to bankroll, to spend, to buy, a transfer window, sovereign wealth fund, assets, to splurge, a bid, a salary etc.*). Данный концептуальный смысл репрезентируется глаголами, вербализующими семантику вклада, предложения, планирования и предложения (*to bankroll, attract, to plan*), лексическими единицами, номинирующими заработную плату и денежный приз (*big dollar prize money, salary, to earn, etc.*), а также упоминанием в новостных статьях фактов привлечения и покупки именитых спортсменов, которое демонстрируется с помощью использования имен собственных самих спортсменов (*Jordan Henderson, Cristiano Ronaldo*) и лексем с семантикой элитности (*top players, elite international players, big-ticket players, etc.*);

3) мусульманский мир как мир развивающегося женского спорт, отраженный в дискурсивном поле описании историй отдельных спортсменок, лексических единиц, семантически номинирующих важные исторические достижения, прорыв (*made history, historic day, opened doors*), представленный с помощью глаголов с семантикой борьбы и победы (*to win, to beat*) и лексических единиц с семантикой значимости и исключительности (*the first, the only, the world's top rated*);

4. Мусульманский мир как мир для туризма:

1) мусульманский мир как мир природной красоты, исторического и культурного наследия, получающий репрезентацию через лексемы, номинирующие период времени (*thousands of years, historic, ancient etc.*), упоминания объектов, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, описательные прилагательные с положительной коннотацией с семантикой захватывающий, завораживающий (*spectacular, fascinating, wonderful, incredible etc.*), существительные, обозначающие географические объекты (*rock formations, coral stone, desert sand dunes, mountains, volcanic*

lava field, red sandstone deserts, granite ranges etc.) и топонимы (*Al Balad, Jeddah, Unaizah, Tuwaiq Mountains, Jabal Al-Lawz etc.*);

2) мусульманский мир как мир комфорта и гостеприимства, репрезентированный лексическими единицами с семантикой доступности *available, widely accepted, etc*, единицами языка, номинирующими разнообразие и возможность выбора *options, many offerings, range of activities etc*;

3) мусульманский мир как мир, активно развивающий туризм, получающий репрезентацию через использование языковых единиц, вербализующих долгосрочное планирование и высокие цели (*set an ambitious goal, plans to invest, focusing its efforts on, etc*), числительных, номинирующих количество ожидаемых туристов и процент увеличения прилетов в регион в год (*150 million tourist, 70 million international tourists, 100 millionth visitor, 56% growth in international arrivals, etc*), даты достижения поставленных целей (*by 2030, over the next 10 years, 2030 plan*), прилагательные в превосходной грамматической степени (*one of the largest and most complex in the world, world's largest, the world's busiest, the largest airport in the world, the tallest building in the world*) и качественные прилагательные, обозначающие размер (*big, large, giga*);

4) мусульманский мир как мир палящего солнца, репрезентированный с помощью указания точной температуры в летний сезон (*120 degrees Fahrenheit (about 50 Celsius)*), упоминания о закрытии магазинов и кафе в полуденное время из-за жары (*will close in the afternoon, shut for several hours at midday*).

5. Мусульманский мир как мир традиционного уклада:

1) мусульманский мир как мир приверженности традиционной одежде, получающий репрезентацию при помощи имени прилагательного *traditional* и имени существительного *culture*, транслитерированных с арабского языка

лексем, номинирующих детали одежды (*thobes, keffiyeh, dishdasha, kuma, abaya, hijab etc.*), языковых единиц, несущими семантику разнообразия (*different u variety*);

2) мусульманский мир как мир пряностей, репрезентируемый через использование названий национальных блюд (*karak, qeema, biryani, kunafa etc*) и ингредиентов (*meat, chickpeas, lamb, rice, walnut, tomato, chicken etc*), а также названий специй (*cardamom, walnut, ginger, cinnamon, anise etc*).

6. Мусульманский мир в мире религии:

1) мусульманский мир как мир священных текстов получает свою репрезентацию через использование названий писаний (*the Quran, the Koran, hadiths*), стилистический прием перифраз (*the Text of reference, the message, the Word of God, the Book*), прилагательных с семантикой священности (*holy, sacred*);

2) мусульманский мир как мир следования религиозным предписаниям репрезентируется с помощью топонимов священных для мусульман мест (*Mecca, Medina, Kaaba, Al Aqsa*), лексических единиц, семантически номинирующих названия праздников (*Eid al-Fitr, Eid al-Adha*), месяцев (*Ramadan*) и поста (*a fast*), ежегодное паломничество (*Hajj, pilgrimage*), а также описание религиозных ритуалов;

3) мусульманский мир как мир религиозной деятельности представлен через имена собственные пророков (*Muhammad, Noah, Abraham, Moses, Jesus etc*) и их последователей (*Uthman ibn Affan, Umar ibn Al-Khattab*), звания религиозных деятелей (*prophet, caliph, ayatollahs, sheik, imam, mufti*).

Несмотря на то, что мусульманский мир обширен и население, исповедующее ислам, встречается на каждом континенте, в американском новостном дискурсе он представлен преимущественно странами арабского региона, Северной Африки и Персидского залива. В ходе исследования также была выявлена закономерность, согласно которой в статьях о военных

конфликтах и террористической деятельности чаще всего упоминаются страны Ближнего Востока, такие как Иран, Ирак, Афганистан, Палестина и другие. В то же время Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Катар позиционируются как самые перспективные и динамично развивающиеся страны Персидского залива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование было направлено на выявление ключевых характеристик концепта «мусульманский мир», реализованных в американском новостном дискурсе.

В соответствии с задачами исследования был описан дискурс как научное понятие и изучены основные характеристики новостного дискурса. Исследование концепта «мусульманский мир» было проведено в два этапа. На первом этапе были изучены зарубежные исследования в области социологии, политологии и журналистики о репрезентации данного концепта в СМИ США. Второй этап исследования проводился на материале авторитетных американских новостных Интернет-изданиях *The New York Times*, *CNN*. В отобранных новостных текстах, освещающих мусульманский мир, были проанализированы лексические средства, вербализирующие данный концепт.

Результаты изучения зарубежных исследований на тему репрезентации ислама и мусульман демонстрируют тенденцию американских СМИ приписывать мусульманам более негативный образ в контексте внешней политики и международного сотрудничества, чем представителям других религиозных групп. Факторами, влияющими на создания данного образа являются упоминание экстремизма в новостных статья, освещение преимущественно зарубежных событий. Однако данная тенденция не распространяется на репрезентацию мусульман в областях туризма, спорта, для описания действий которых используются лексические единицы преимущественно с нейтральной и положительной коннотацией.

Анализ лексических единиц в американских новостных сообщениях позволяет выявить следующие концептуальные смыслы данного явления, формируемые в американском дискурсе:

1. Мусульманский мир как разобшенная геополитическая система.

2. Мусульманский мир – мир терроризма и вооруженных конфликтов, включающий в себя следующие концепты:

- 1) мусульманский мир как мир террористических организаций;
- 2) мусульманский мир как мир войны, насилия, терроризма;
- 3) мусульманский мир как мир злости, жестокости и смертельной опасности;
- 4) мусульманский мир как мир взрывов и нападений;
- 5) мир насилия и убийств.

3. Мусульманский мир в мире спорта:

- 1) мусульманский мир как активно развивающийся мир высоких достижений в спорте;
- 2) мусульманский мир как мир, активно инвестирующий в развитие спорта;
- 3) мусульманский мир как мир развивающегося женского спорта.

4. Мусульманский мир как мир для туризма:

- 1) мусульманский мир как мир природной красоты, исторического и культурного наследия;
- 2) мусульманский мир как мир комфорта и гостеприимства;
- 3) мусульманский мир как мир, активно развивающий туризм;
- 4) мусульманский мир как мир палящего солнца.

5. Мусульманский мир как мир традиционного уклада:

- 1) мусульманский мир как мир приверженности традиционной одежды;
- 2) мусульманский мир как мир пряностей.

6. Мусульманский мир в мире религии:

- 1) мусульманский мир как мир священных текстов;
- 2) мусульманский мир как мир следования религиозным предписаниям;
- 3) мусульманский мир как мир религиозной деятельности.

Перспективой дальнейшего исследования, открываемой настоящей

работой, является изучение характеристик концепта «мусульманский мир», представленного в современном немецком новостном дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. 438 с.
2. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка: практ. курс. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.
3. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. 431 с.
4. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Академия, 1997. С. 269–270.
5. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е стер. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
7. Бурмистрова Е.С., Чуприкова А.А. Крайне правые политические силы США и Великобритании: в поисках ответов на угрозы национальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т.3. С. 339–351.
8. Варуха И.В. Ментальные структуры: значение, концепт, понятие // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Т.20 Вып. 235. С. 50–52.
9. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / под ред. М. В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 210 с.
10. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 310 с.

11. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. 2002. Вып. 3. С. 79–95.
12. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
13. Воротникова Ю.С. Когнитивные основы построения сетевого новостного дискурса // Текст – Дискурс – Диалог культур. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. 198 с.
14. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
15. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: КНОРУС, 2010. 256 с.
16. Гиличинская Ю.И. Fox News, CNN и Al Jazeera: языковые особенности материалов о терроризме // Медиалингвистика. 2018. Т.5. Вып. 1. С. 73–83.
17. Гусейханова З.С., Султанов К.Г. Фреймовая организация концепта «ислам» в англоязычных СМИ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т.5 Вып. 4. С. 52–61.
18. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39–77.
19. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т.13 Вып. 184. С. 203–210.
20. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. 2006. Т.2. Вып. 10. С. 20–33.

21. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку. М.: Едиториал УРСС, 2001. 312 с.
22. Загнитко А.А. Основы дискурсологии. Донецк: ДонНУ, 2008. 194 с.
23. Иванов А.С. Исламофобия: поиск истоков // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Studis historica juvenum*. 2018. Т.1 Вып. 14. С. 216–222.
24. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Сб. научн. трудов / под ред. В.В. Дементьева. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 265 с.
26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
27. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 75–79.
28. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 90 с.
29. Кибрик А. А. и др. Дискурс и возникновение функционализма // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС. 2002. С. 307–309.
30. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Вып. 2. С. 3–21
31. Кибрик, А. А., Паршин П.Б. ДИСКУРС – Текст : электронный // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. 2024. URL:

https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html

(дата обращения: 02.12.2022).

32. Колесов В.В. Философия русского языка. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

33. Команова А.Ю., Богачев Р.Е. Исследование понятия «Дискурс» на примере англоязычных средств массовой информации // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. Т.4–2. Вып. 58. С. 47–49.

34. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

35. Кротова Е.А. Особенности структурной организации новостного дискурса в сети Интернет: на материале англоязычных электронных сообщений: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2012. 304 с.

36. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 59. С. 128–135.

37. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

38. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

39. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. СЛЯ. 1993. Вып. 1. С. 3–9.

40. Малахов Ю.И. Современные медиа как фактор формирования образа мусульманина // Материалы международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века». Уфа, 9-10 ноября 2016 г. Уфа: Мир Печати, 2016. С. 309–318.

41. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. 3-е изд., перераб., доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

42. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академия, 2004. 204 с.
43. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Издательство ВГУ, 2001. 182 с.
44. Навицкайте Э.А. Актуализация тематических кластеров отрицательной оценки в англоязычных СМИ // Наука и современность. 2010. Вып. 2–3. С. 147–151.
45. Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Восприятие принадлежности к определенной религии в контексте освещения терроризма в СМИ // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. Вып. 4. С. 50–55.
46. Нестерова Н.Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2009. Вып. 318. С. 37–41.
47. Нетерина С.С. Тропы и концепты. М.: РАН. Ин-т философии, 1999. 27 с.
48. Подольских Е.А. Дискурсивные особенности телевизионных новостей и аналитических программ в британской лингвокультуре // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т.14. Вып. 2(4). С. 1027–1030.
49. Попова Т.И. К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы всероссийской конференции. М.: 2001. Т.2. С. 45–51.
50. З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
51. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. М.: РИП-холдинг, 2006. 202 с.

52. Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. Спб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 24–38.
53. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.
54. Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1996. 46 с.
55. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Закрытое акционерное общество «Издательство "Русский мир"», 2006. 635 с.
56. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 260 с.
57. Смирнова О.М. К вопросу о методологии описания концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. Вып. 3. С. 247–253.
58. Солганник Г.Я. Стилистика текста. М.: Наука, 2003. 256 с.
59. Степанов Ю.С., Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности, Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С.35–73.
60. Степанянц М.Т. На пути преодоления стереотипов (факторы провокации исламофобии) // Ислам в современном мире. 2019. Т.15. Вып. 2. С. 121–134.
61. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 58–65.
62. Стернин И.А., Розенфильд М.Я. Слово и образ: монография. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.

63. Сычева Е.В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. Вып. 3. С. 205–211.
64. Хруль В.М. СМИ и религия: в поисках интегрального подхода // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. Вып. 5. С. 60-76.
65. Шайхитдинов Т.В. Тема религии в контексте нормативных теорий прессы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т.157. Вып. 4. С. 127–135.
66. Юсупова Т.С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2010. 190 с.
67. Alkazemi M.F. Mediating silence: The media's role in silencing religious dialogue among US Muslims // Journal of Media and Religion. 2015. 14:1. P. 29–45.
68. Bail C.A. The fringe effect: Civil society organizations and the evolution of media discourse about Islam since the September 11th attacks // American Sociological Review. 2012. 77:6. P. 855–879.
69. Bleich E., Nisar H., Abdelhamid R. The effect of terrorist events on media portrayals of Islam and Muslims: evidence from New York Times headlines, 1985–2013 // Ethnic and Racial Studies. 2016. 39:7. P. 1109–1127.
70. Bleich E., van der Veen A.M. Media portrayals of Muslims: a comparative sentiment analysis of American newspapers, 1996–2015 // Politics, Groups, and Identities. 2021. 9:1. P. 20–39.
71. Bowe B.J., Makki T.W. Muslim neighbors or an Islamic threat? A constructionist framing analysis of newspaper coverage of mosque controversies // Media, Culture & Society. 2016. 38:4. P. 540–558.

72. Feddersen A. Same but different: Muslims and foreigners in public media discourse // *Swiss Political Science Review*. 2015. 21:2. P. 287–301.
73. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984. 512 p.
74. Harris Z. *Discourse Analysis // Language*. 1952. 28:1. P. 1–30.
75. Jackson L. Images of Islam in US media and their educational implications // *Educational Studies: A Journal of the American Educational Studies Association*. 2010. 46. P. 3–24.
76. Kibria N., Watson T.H., Selod S. Imagining the radicalized Muslim: Race, anti-Muslim discourse, and media narratives of the 2013 Boston Marathon Bombers // *Sociology of Race and Ethnicity*. 2018. 4:2. P. 192–205.
77. Lajevardi N. The media matters: Muslim American portrayals and the effects on mass attitudes // *The Journal of Politics*. 2021. 83:3. P. 1060–1079.
78. Lipka M., Hackett C. Why Muslims are the world's fastest-growing religious group // Washington, DC: Pew Research Center. 2017, 339 p.
79. Love E. *Islamophobia and racism in America*. NY: New York University Press, 2017. 267 p.
80. Malbouisson C. D. (ed.). *Focus on Islamic issues*. Nova Publishers, 2007. 94 p.
81. McArthur T., Lam-McArthur J., Fontaine L. (ed.). *Oxford companion to the English language*. Oxford University Press, 2018.
82. Miller T. Mapping the global Muslim population: a report on the size and distribution of the world's Muslim population // Washington, DC: Pew Research Center. 2009. 68 p.
83. Moosavi L. Orientalism at home: Islamophobia in the representations of Islam and Muslims by the New Labour Government // *Ethnicities*. 2015. 15:5. P. 652–674.

84. Nisar H., Bleich E. Group status, geographic location, and the tone of media coverage: Jews and Muslims in New York Times and Guardian headlines, 1985–2014 // *Comparative Migration Studies*. 2020. 8:1. P. 1–18.
85. Pennington R., Kahn H.E. *On Islam: Muslims and the media*. Bloomington: Indiana University Press, 2018. 173 p.
86. Poole E. *Muslims and the news media*. London: I. B. Tauris, 2006. 256 p.
87. Powell K.A. Framing Islam/creating fear: An analysis of US media coverage of terrorism from 2011–2016 // *Religions*. 2018. P. 1–15.
88. Saleem M., et al. Exposure to Muslims in media and support for public policies harming Muslims // *Communication research*. 2017. 44:6. P. 841–869.
89. Saleem M., Ramasubramanian S. Muslim Americans' responses to social identity threats: Effects of media representations and experiences of discrimination // *Media Psychology*. 2019. 22:3. P. 373–393.
90. Saleem M., Wojcieszak M.E., Hawkins I., Li M., Ramasubramanian S. (2019). Social identity threats: How media and discrimination affect Muslim Americans' identification as Americans and trust in the US government // *Journal of Communication*. 2019. 69:2. P. 214–236.
91. Samaie M., Malmir B. US news media portrayal of Islam and Muslims: a corpus-assisted Critical Discourse Analysis // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. 49:14. P. 1351–1366.
92. Trevino M., Kanso A.M., Nelson R.A. Islam through editorial lenses: How American elite newspapers portrayed Muslims before and after September 11, 2001 // *Journal of Arab & Muslim Media Research*. 2010. 3:1–2. P. 3–17.
93. Umamaheswar J. 9/11 and the evolution of newspaper representations of incarcerated Muslims // *Crime, media, culture*. 2015. 11:2. P. 177–199.

94. West K., Lloyd J. The role of labeling and bias in the portrayals of acts of “terrorism”: Media representations of Muslims vs. non-Muslims // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2017. 37:2. P. 211–222.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГРЯиПЛ
 О.В. Магировская
« 20 » июня 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ
НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ**

Руководитель

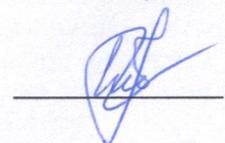
д-р филол. наук,
зав. кафедрой ТГРЯиПЛ
О.В. Магировская

Выпускник

А.Р. Фаттахова

Нормоконтролер

А.С. Сибирская

Красноярск 2024